

Глава 1. Квартирантка

Дверь подъезда закрылась, и Катя оказалась в кромешной темноте. Пока глаза не начали различать контуры лестничной площадки, обострилось обоняние, и к горлу подкатила тошнотворная волна.

Бежать отсюда! Но куда? Ночевать на вокзале?..

Катя включила на мобильном телефоне фонарик. Свет выхватил десяток ступенек и распахнутые дверцы покореженных почтовых ящиков. Она поводила телефоном по сторонам, готовая увидеть ночлежку бомжей, но в углах прятались только тени.

Ладно, нужно просто подняться по лестнице.

Дверной звонок задребезжал громко и пронзительно.

– Кто? – сухо прозвучал мужской голос. Похоже, тот самый, который Катя слышала по телефону час назад.

– Я по объявлению.

Дверь распахнулась, и Катя беззвучно ахнула. Хозяину квартиры на вид не было и тридцати. Худощавый, высокий – она едва доставала ему до подбородка. Волосы цвета ржавчины в беспорядке спадали до плеч. Серо-зеленые глаза, необычно яркие по контуру радужки, на фоне бледного лица казались провалами.

Пьяный? Сумасшедший?

Пьяный сумасшедший?

На нем были черные брюки и расстегнутая белая рубашка. Выше ремня виднелась татуировка: то ли цветок, то ли птица.

– Чего застыла?

Катя перешагнула порог и нагнулась, чтобы снять ботинки. Мельком глянула по сторонам в поисках того, что заставило бы ее сбежать, но в прихожей было чисто и аккуратно. На полке стояла фотография миловидной блондинки, слишком обычной по сравнению с этим экземпляром.

Хозяин терпеливо ждал, пока она возилась с застежкой.

– Налево – кухня. Направо – комнаты. Твоя и моя.

Катя заглянула в приоткрытую дверь «своей» спальни.

– Обстановка скромная, как я и говорил, – мужчина подошел ближе, чтобы включить свет, и Катя глубоко втянула воздух: нет, не пьян.

Скромная – подходящее слово. Старый деревянный шкаф. Диван, застеленный выцветшим пледом. Стол со стулом – точь-в-точь как у преподавателей в ее бывшей сельской школе. На полу – потертый линолеум.

– Могу я заселиться сегодня? – как можно увереннее произнесла Катя и тут же исправилась: – Сейчас?

Мужчина просканировал ее взглядом с головы до пят, словно проверял, достойна ли она жить с ним в одной квартире. Катя невольно заложила за ухо прядь волос, которая выбилась из пучка на затылке. Одну руку спрятала в карман наглухо застегнутого темно-синего плаща. Второй – принялась теребить лямку спортивной сумки, переброшенной через плечо.

– Плата за месяц вперед, – наконец, произнес он.

Несколько секунд Катя стояла, не шевелясь, потом спохватилась, запустила руку в потайной карман сумки.

– Держите, – и на всякий случай приврала: – Это все, что у меня есть.

– А питаться будешь из мусорки? – спросил мужчина без зла, с любопытством.

– Я заработаю.

– За ночь? – он ухмыльнулся. Затем взглянул на рукава своей рубашки, на ослепительно белые манжеты. – Впрочем, я тоже работаю по ночам. Располагайся.

Хозяин закрыл за собой дверь. Катя опустилась на диван, подышала на ледяные ладони.

В коридоре скрипнул шкаф, о дверцу ударилась вешалка. Сердце болезненно отзывалось на каждый звук.

– Вернусь часа через три. Если захочешь прогуляться, ключи в коридоре за фотографией, – донеслось из-за двери.

Вот так просто? Ключи – первой встречной? Даже паспорт не попросил.

– Ладно.

Хлопнула входная дверь, щелкнул замок.

В первую минуту стало спокойнее: по крайней мере, ночью этого странного человека не будет рядом. Но потом накатила новая волна паники.

Конечно, ни замка, ни задвижки.

Катя подперла спинкой стула дверную ручку. Проверила – не опускается. Хоть на минуту это его задержит, а минуты ей будет достаточно.

Стол перетащила в угол, передвинула к подоконнику диван. Открыла окно, выглянула в темноту: до земли метра два. Сойдет.

Легла. Вскочила. Схватила сумку. Рывком отдернула штору.

Да, минуты будет достаточно.

...Но что делать потом, ночью? В незнакомом городе? Почти без денег?

Не раздеваясь, Катя легла на кровать и утопила голову в подушке. Пахло свежей наволочкой. Где-то в квартире тикали часы, за стеной урчал холодильник. Так привычно, по-домашнему. Она закрыла глаза, прислушиваясь к себе. Паника отступала: ладони потеплели, лоб не горел, пульс не разрывал виски. Дыру в животе, что проел страх, наполнило ноющее чувство усталости. Одной быть не страшно. Неуютно, но не страшно.

«Я сильная и смелая. Я добьюсь всего, чего захочу», – бормотала Катя сама себе.

Сквозь приоткрытые створки окна просачивался ветер, надувал шторы. Не стоило кутаться в одеяло, погружая себя в тепло, лелеять ложное чувство безопасности. Но веки опускались.

«...Я сильная и смелая».

Она повернулась на бок и, зажав ладони под мышками, мгновенно провалилась в глубокий, тяжелый сон.

*

Деньги закончились.

Яна смешили люди, которых это обстоятельство выбивало из колеи. У него деньги заканчивались постоянно, но тут же появлялись. Деньги, как женщины: липнут к тому, кому на них наплевать.

Да, деньги к нему липли. Они находили сотни способов, как оказаться у Яна в кармане. Оброненное кем-то портмоне на заднем сиденье такси. Покер с незнакомцами. Глупый спор. Или моментальный отклик на объявление о сдаче комнаты. Какой-то древний денежный божок любил и баловал его, как единственного сына. И сегодня Ян собирался навестить своего «папашу».

Он вытянул руку, останавливая такси.

Пустынные улицы, облитые дождем и фонарным светом, скользили за окном, плавно притормаживая на светофорах. У казино машина остановилась. Ян бросил водителю банкноту и, не дожидаясь сдачи, вышел. Теперь у него осталась только одна купюра.

Охранник кивнул на входе.

– Давно вас не видели.

Ян подмигнул ему в ответ.

На первом этаже казино находился зал для обычных клиентов: игровые автоматы, столы с низкими ставками. Здесь всегда было шумно и накурено, а в особо «рыбные» дни дым от сигарет стоял такой, что люди казались тенями. Ян прошел мимо открытой двери и поднялся на второй этаж, где ставки начинались от ста долларов.

Войдя в vip-зал, он остановился. Здесь пролегал барьер между двумя мирами. Сонным, тоскливым, предсказуемым – тем, что остался позади. И другим – дразнящим, сверкающим, пахнувшим азартом, жаждой наживы и отчаяньем.

Мир, в котором женщины не старели.

– Я думала, ты забыл обо мне, – яркая шатенка в черном вечернем платье, расшитом стразами, подошла почти вплотную и, прикрыв глаза, медленно вдохнула. – Спасибо, что принес свой запах...

Если казино – храм, то она была его жрицей. К слову сказать, там «служили» и другие женщины, помеченные бутоном чайной розы в изысканных прическах. Томно просили прикурить или угостить вином, артистично тянулись через стол, чтобы сделать ставку, – почти обнажая то, что приоткрывало декольте. Но из них только Мадлен умела носить свою розу с королевским величием.

Сколько авантюристов потеряло из-за нее голову – и деньги, трудно представить. Но еще труднее понять, почему она, не задумываясь, бросала очередную жертву и тянулась к Яну, у которого с собой всегда была только одна купюра.

Одна купюра. Одна ставка. Один выигрыш.

Это правило.

– Может, попробуешь что-нибудь новое? Я могу посоветовать, – Мадлен ноготком пересчитала пуговицы на его рубашке.

– Что ты можешь посоветовать? Ты же шлюха, – Ян мимоходом поцеловал ее в висок и направился к обменнику.

Одна купюра. Одна ставка. Один выигрыш.

Так повторялось восемь лет подряд. В жизни Яна не было ничего более постоянного. Рулетка раскрутится, шарик совершит несколько плавных оборотов – и замечется, выбирая ячейку. Он упадет на черное. Всегда – на черное. Выигрыш будет не ахти какой, но он привлечет удачу, и деньги не заставят себя ждать.

– Делайте ваши ставки, господа, – произнес крупье дежурную фразу, хотя из «господ» был только Ян.

Шарик рванул по ободу против движения колеса.

– Ставки сделаны, ставок больше нет.

В ожидании результата Ян спрятал руки в карманы. Шарик совершил оборот, второй. Этот звук успокаивал, убаюкивал. Он вызывал образы, далекие от реальности, но словно с ней связанные. Лунная ночь, ветхий дом на отшибе, косматая старуха-колдунья дряхлой рукой водит шарик по столу – заговаривает на удачу. Третий круг, четвертый... Ни грамма волнения. Восемь лет одно и то же.

Мадлен подошла сзади и уперлась подбородком ему в плечо. Может, это ее и притягивало? Постоянство. В казино постоянство – больше, чем чудо. Впрочем, и в том, другом, мире тоже.

Красное.

Ян моргнул. Разве он ставил на красное?..

Мадлен неслышно отступила.

Нет, на черное. Как всегда – на черное.

Ян протянул руку к горлу, пытаясь освободить невидимый узел.

Такого не могло быть. Он зло глянул на крупье, убирающего фишки. Его фишки. Его деньги. Его последние деньги!

Ян чувствовал, как из самой его глубины начинает сочиться что-то гадкое, черное, вязкое, из-за чего хотелось швырнуть первое, что попадет под руку, в непроницаемое лицо служителя Фортуны. На этом лице ничего не изменилось, словно не он столько лет отсчитывал Яну выигрыш.

Мадлен что-то говорила, но Ян не слышал ее. Нарочито медленно зашел в уборную, оперся руками об умывальник. Отражение в зеркале дергалось и дрожало, как изображение при помехах в телевизоре. Ян зажмурился – и открыл глаза. Отражение замерло.

Надо что-то придумать. Но что?.. Что вообще можно придумать в такой ситуации?!

Он стер запястьем испарину со лба.

Мир пошатнулся, дал трещину. И теперь Ян смотрел в эту пропасть, понимая, что, возможно, пути назад уже нет.

Дело было не в деньгах. Совсем не в деньгах.

Он умылся ледяной водой. Промокнул лицо бумажным полотенцем.

– Помнишь, ты одолжил мне сотню? – прозвучал у двери голос Мадлен.

– Возможно, – машинально ответил Ян и швырнул в урну скомканное полотенце. Оно отскочило от обода ведра и упало на черную блестящую плитку. Его руки все еще дрожали.

Нет, не одалживал, он вспомнил.

Мадлен выудила из декольте зеленую купюру.

– Возвращаю.

Ян подошел ближе. Посмотрел ей в глаза, потом на купюру.

– Купи мне фишку. Я буду через минуту.

Он тщательно вымыл руки. Поправил рукава рубашки. Заново стянул волосы резинкой. Перед выходом сделал глубокий вдох – и распахнул дверь. Игровой зал, черно-красный, сверкающий позолотой, спокойно обгладывал очередные жертвы – как пять минут назад. Как пять лет назад.

С казино нужно быть хладнокровным, решительным – и осторожным. В любой ситуации. Как со львом, в чьей пасти находится твоя голова. Что ж, даже у лучших дрессировщиков случаются осечки.

Ян поставил на черное. И выиграл. Снова на черное – и опять повезло. В третий раз он не стал испытывать судьбу. На сегодня хватит.

«Фортуна заигрывала со мной», – думал он, возвращаясь домой на такси. Она же дама. Ей можно. Но что-то внутри беспокойно билось, пульсировало в солнечном сплетении, мешало. Чтобы отвлечься, Ян перевел взгляд на окно. Пустынные улицы, облитые дождем и фонарным светом, плавно скользили, притормаживая на светофорах.

Глава 2. Предложение

Ей отказали в девяти компаниях, у каждой нашлись свои причины. Потом Катя снова звонила по объявлениям. Снова

ходила на собеседования. После двух недель мытарств работа курьером показалась неслыханной удачей. Но и с ней не вышло: Катя не успевала развозить за день все документы. Через полмесяца – сегодня – ее уволили.

Даже после этого она шла с гордо поднятой головой, хотя слезы накатывали. А потом порвалась босоножка. Проковыляв пару метров, Катя выбросила обувь в мусорный контейнер и уже босиком дошла до скамейки перед домом, аренда комнаты в котором заканчивалась завтра.

Одна.

Без денег. Без работы. Без жилья.

Без еды. Без сил.

Когда, казалось, хуже уже не станет, обрушился ливень. И хотя он был наименьшим из зол, хлынули слезы.

Катя редела, как плачут дети: громко, навзрыд. Она сидела на скамейке, обхватив колени руками. Дождь промочил одежду, впитался в волосы. Вода забиралась за шиворот и медленно стекала по спине, причиняя почти физическую боль.

Сквозь слезы Катя заметила, как на мутно-зеленом фоне пейзажа появилось еще одно расплывчатое пятно. Она перестала рыдать, зажмурилась, вытесняя слезы, а когда открыла – ее взгляд уткнулся в светло-серую майку.

Без зонта. Без капюшона. Штанины джинсов, набравших влаги, тянулись по земле.

“Его тоже кто-то выгнал с работы?”

Ян сел рядом.

Его волосы, тяжелые и темные от воды, стекали до плеч. Янтарный загар углублял прозрачность глаз. Они казались пронзительней, ярче.

Ян протянул флягу. Катя сделала глоток, поморщилась и снова приложила флягу к губам. Отвратительная жидкость, такая же холодная, как дождь, устремилась вовнутрь параллельно стекающим по спине каплям. Но стало легче.

Дождь хлестал все сильнее.

Ян положил руку на спинку скамейки, словно хотел обнять Катю. Сделал глоток, протянул ей флягу. Катя макнула губы в горькую жидкость. Коснулась затылком руки Яна, но не отстранилась, всем лицом принимая холодные капли.

Ян рассматривал ее медленно, подробно, как букашку под микроскопом. Еще утром Катя бы сжалась под таким взглядом.

– За наше короткое знакомство! – словно чокаясь, она приподняла флягу.

Дождь стихал, тонкий золотистый луч уже щекотал что-то, скрытое за пятиэтажками.

– Сбегаешь?

– У меня нет жилья. Нет работы. Нет денег...

Ян подставил лицо под дождь – точь-в-точь, как Катя. Некоторое время так и сидел. Словно забыл о ее существовании. Потом смахнул ладонью влагу с лица и посмотрел Кате в глаза.

– А ты хотела бы остаться? – спросил он.

– Больше всего на свете!

– Тогда у меня есть к тебе предложение. Пойдем, – Ян встал и протянул Кате руку.

*

Скука...

И это только начало лета.

Ян плеснул виски в широкий стакан и добавил пару кубиков льда. Бутылку закинул в морозилку.

Скука... Недаром к этому слову вырисовывается неприличная рифма. От такого состояния можно сойти с ума. Или спиться.

Лед быстро таял, рисуя на поверхности напитка прозрачный узор.

Вот он, Ян, стоит посреди кухни и рассматривает жидкость в стакане. Июнь. Четыре часа дня. Это почти черта.

Внезапно накатило ощущение, что воздух густой, мутный, и легкие с трудом справляются с этой субстанцией. Ян распахнул створки окна. Ветер, пропитанный дождем, хлестнул по лицу. Дышать стало легче.

Его демон, – дикий, свирепый – его лучший компаньон, спал где-то глубоко внутри, свернувшись калачиком, как домашняя тьявка.

Вот так, калачиком, обхватив руками колени, на скамейке в парке сидела девушка. Судя по дрожащим плечам, она рыдала. Но незнакомка куда больше заинтересовала Яна, когда он узнал в ней квартирантку.

Последнюю неделю – и, надо полагать, еще те три, которые он отдыхал на Кубе, – девочка провела до сведения скул однообразно: исчезала рано утром, возвращалась к семи вечера и сидела взаперти в своей комнате, пока не наступало следующее утро. Пару раз они столкнулись в коридоре – ни улыбки, ни взгляда в глаза. Однажды он застал ее на кухне, Катя ждала, пока закипит чайник. Тогда время Ян смог клещами – образно выражаясь – вытащить из нее имя. Еще минуту назад он даже представить не смог бы квартирантку босиком, под дождем и в слезах.

Катя хлебнула из фляги, не спросив, что в ней, и у Яна промелькнула мысль: возможно, у нее это не первая фляга.

Или квартирантка тоже очень близко подошла к своей черте. Он всматривался в ее лицо, будто видел впервые. Это была другая Катя. Даже не Катя, а Кэт. С глазами настолько серыми, словно в них сконцентрировался весь дождь. А сама она будто не чувствовала дождя, не ощущала холода, хотя ее кожа стала бледнее бледного.

Кэт больше не шарахалась от него. Пила с ним виски из одной фляги.

И вдруг она заявила, что уезжает.

Хотел ли он, чтобы Кэт осталась? Определенно – да. И у Яна уже появилась идея на ее счет.

*

Она впервые стояла на его кухне, не переживая, что хозяин квартиры застанет ее врасплох. Кухня была небольшая, метров десять. Мебель старая, а плита и вовсе древняя. Все вычищено до нездорового блеска. Каждый раз, пользуясь чайником – тоже древним, зеркальным, со свистком – у Кати возникало желание стереть с него свои отпечатки пальцев.

После душа Ян пришел на кухню одетый – и то хорошо. Пододвинул к себе чашку и, задавая вопросы, долго изучал Катю. Вот по этому она точно не будет скучать. Если чей-то взгляд гладил, то взгляд Яна – скреб. Как ногтем.

Ян, наконец, нашел на ее лице то, что искал, и переключился на холодильник.

– Будешь вчерашние каннеллони?

“Что такое каннеллони?!”

– Буду.

Ян отвернулся, чтобы поставить тарелку с едой в микроволновку, и Катя осмелилась взглянуть на него. Спокойные, расслабленные движения. Ни капли неловкости. Словно он каждый день подбирал на улице девушек.

– Поешь, – Ян поставил блюдо на стол.

Катя втянула носом воздух – и невольно прикрыла глаза.

Она уплетала каннеллони, не думая, как выглядит со стороны. Поднимала голову только тогда, когда Ян формулировал очередной вопрос. Отвечала вдумчиво, но коротко – и тот час же запихивала в рот очередной нежнейший кусочек.

– ...И никто не может тебе помочь? Родственники? Друзья?

– Ян постучал пачкой о стол, выуживая сигарету.

Катя обреченно покачала головой.

– Как я и сказал, у меня есть к тебе предложение, – Ян прикурил и, не сводя с Кати глаз, стал вращать зажигалку между пальцами.

– Вы сможете найти мне работу? – с надеждой спросила Катя, отложив вилку на край пустой тарелки.

– Нет, – после паузы ответил Ян. – Я предлагаю тебе сыграть в игру.

Катя насторожилась.

– Под условным названием «Десять желаний», – Ян пустил к потолку струйку дыма. – Десять – мое счастливое число.

Он улыбался, и эта улыбка Кате не нравилась.

– Не понимаю.

– Суть такова: ты должна выполнить десять моих желаний. И пока длится игра – комната за мой счет.

У Кати внутри все ухнуло от обиды и разочарования. Еще минуту назад казалось, что выход найден, что сейчас все решится само собой...

Катя встала из-за стола.

– Мне это не подходит.

– У тебя столько ограничений! – с легким раздражением произнес Ян. – Даже странно, что ты такая... округлая. Тебе бы больше подошла форма пенала.

“Ох... как же это грубо!”

Катя рванула к двери – Ян ухватил ее за запястье.

– Сядь и дослушай!

Катя осталась, но не села.

– Ты ничего не теряешь. Если что-то не понравится, выйдешь из игры в любой момент. Но если выполнишь все десять желаний – сможешь жить в этой комнате, сколько захочешь. Само собой, совершенно бесплатно.

Из этого не могло получиться ничего хорошего. Стать чьей-то рабыней за бесплатную комнату? Лучше вернуться.

В свой маленький серый город.

Чтобы жить на крошечную зарплату.

Умирать со скуки.

Знать сюжеты всех сериалов.

Каждую минуту мечтать о большем.

Завидовать знакомым, приезжающим летом в гости.

Ненавидеть себя за это.

Умереть в одиночестве через много мучительно-долгих лет, потому что она никогда, никогда не найдет подходящего мужчину.

Катя опустилась на стул.

Самое главное, она могла выйти из игры в любой момент. Собрать вещи – делов-то на пять минут – и вернуться к себе. Соглашаясь, она и в самом деле ничего не теряла.

– Раз вы так любите азарт, у меня есть дополнение к правилам. Я выполняю ваше желание, а вы – мое. И пока вы его не выполните, игра не остановится. Это будет честно.

Ян улыбнулся.

– Договорились!

Он протянул руку – Катя крепко ее пожала. Так учат в книгах о том, как стать богатым.

– А мы можем заключить настоящий договор? Я хочу быть уверена, что вы не станете меня выкуривать... – Катя посмотрела на струйку дыма, исчезающую у потолка, – ...что ты не станешь меня выкуривать, если я выиграю. Мне нужны гарантии.

– Настоящий договор? С которым, в случае чего, ты сможешь пойти в суд? – покачивая головой, Ян затаился – что, похоже, очень непросто сделать, когда улыбаешься. – С трудом могу представить такой договор. Зато могу дать тебе честное слово.

– Оно учитывается в суде?

– Оно учитывается. Но не в суде. Я – игрок и умею держать слово. И я обещаю, что в случае победы ты получишь свой приз. И я не стану тебя выкуривать.

– И ты, в отличие от меня, не сможешь просто так выйти из игры. Выходишь – комната моя.

– Согласен. А ты обещаешь не таскать сюда своих друзей – вообще никого. Ни во время игры – ни после.

– Договорились, – Катя тяжело вздохнула. – У нас должны быть четкие правила. Очень подробные.

Сигарета в пальцах Яна нарисовала в воздухе замысловатую фигуру.

– Конечно. Пункт первый. Формулируя желания, нельзя говорить «никогда» и «всегда». Желания выполняются только, пока длится игра.

Катя принесла из комнаты блокнот с ручкой. Записала. Поставила жирную точку.

– Пункт второй. Нельзя рисковать жизнью игрока.

– Заметано, – согласился Ян. – Пункт третий. Нельзя отменять следующим желанием предыдущее. Пункт четвертый. Нельзя жульничать, неправильно интерпретировать желания. Пункт пятый. Желания надо выполнять в полном объеме. Шестой. Их нельзя пропускать или дарить.

– Седьмой, – подхватила Катя. – Желания должны быть выполнимыми. Нельзя просить подарить квартиру на Манхэттене, иначе на его выполнение уйдет вся жизнь.

– И ремарка: когда желание сформулировано, ты говоришь «это мое желание». После этого никакие корректировки не действуют. Пиши-пиши...

И Катя писала. Иногда они замолкали, придумывая новые условия. Катя смотрела в окно, залитое серыми сумерками, и, когда Ян делал затяжку, видела на смутном рисунке кленов отражение вспыхнувшей сигареты, похожее на звезду. Потом звезда исчезла: Ян распахнул окно и сел на подоконник.

Сумерки стали сиреневыми. В листьях кленов путались огни зажженных окон далеких домов. Желтые, оранжевые, голубые. Воздух, влажный, прохладный, заползал на кухню, вытесняя тяжелый сигаретный дым.

О чем думал Ян, машинально поднося сигарету к губам? Словно погружался глубоко в себя. Словно в нем и в самом деле была бездна.

А потом он вернулся. С нажимом затушил сигарету – едва ли не впечатал в дно пепельницы.

– Думаю, будет честно, если последнее желание останется за мной. Так что начинай первой.

– Хорошо, – Катя заерзала на стуле. – Итак...

“Что-то простое... То, чего бы мне очень хотелось...”

Ее взгляд упал на тарелку, и Катя вспомнила, как час назад едва удержалась, чтобы не собрать пальцем оставшийся после каннеллони соус.

“Ужин... Но надо мыслить логично. Сегодня наемся, а завтра буду голодной”.

– Для того, чтобы играть в твою игру, нам стоит лучше узнать друг друга, – начала она.

Ян пустил к потолку струйку дыма.

– Продолжай...

– Поэтому я хочу, чтобы ты приготовил мне завтрак. Утром, – Катя замялась. – То есть ближайшим утром. Завтра.

Ян чуть склонил голову на бок. Он едва сдерживал улыбку.

– Завтра завтрак. Я понял. Это твое желание.

– Да. Такой сытный завтрак... Я должна остаться довольна, – поспешно добавила Катя.

– Это обязательное условие, чтобы желание считалось выполненным. Тот, кто его загадал, должен остаться довольным. Ты будешь довольна.

– Отлично! – Катя легонько хлопнула в ладоши. – Тогда договорились.

– Давай подытожим. Завтра я готовлю тебе вкусный и сытный завтрак, и мы общаемся.

– Да, завтрак с общением.

- Это твоё желание.
- Да.
- Скажи: это моё желание.
- Это моё желание.
- Отлично, тогда до завтрашнего завтрака, Кэт.

Глава 3. Завтрак

Ночью ему не спалось, а под утро волнение только усилилось. Переворачивая лопаткой квадратные тосты, Ян заметил, что его ладони дрожат. С чего бы? Это был далеко не первый завтрак, который он готовил женщине. Но сегодня впервые у него возникли вопросы. Лучше тосты с корочкой или без? Прожарить сильнее? Добавить масла?

Завтрак стал частью игры. А в игре нужна четкость, любая ошибка может повлиять на результат. И если он хотел выиграть – а он очень хотел выиграть – одной удачи было мало. Яну предстояло обыграть самого себя. Насладиться по полной, но не перегнуть палку. Дойти до предела – и остановиться в нужный момент. Игра в игре.

Эта игра не закончится, когда шарик найдет свой сектор. Игра не закончится вместе с ночью. Она может длиться очень долго, пока Яну не надоест. Но для этого он должен быть внимательным, изобретательным и осторожным. Потому что сам поставил одно из условий: Кэт может уйти, когда пожелает.

На другой сковороде Ян разбил яйца. Они зашкворчали, обжигая руки мелкими масляными брызгами.

Если начистоту, сегодня он проснулся слишком рано, за окном только начинало светать. Положив руки за голову, Ян перебирал в уме вариации сытных и вкусных завтраков. Еда, которую он приготовит, должна расположить к нему недотрогу, заставить ее улыбнуться, почувствовать себя комфортно. Чем больше расслабится Кэт, тем интереснее будет игра.

Что-то привычное, домашнее. И в то же время, «с изюминкой». Но не романтическое. Не хватало еще подозрений

в преступных умыслах. Тем более, их и близко не было: худенькое тельце Кэт вызывало лишь желание накормить.

Ян постучал о стену костяшками пальцев.

– Кэт, у тебя от силы пять минут!

В ответ послышалось заспанное «угу».

Ян смазал тосты дижонской горчицей, сверху положил по ломтику ветчины, кружочки тонко нарезанного помидора, полил соусом бешамель, добавил лоскутки сыра и накрыл каждый поджаренным тостом. Переместил бутерброды на белые, вымытые до скрипа, тарелки. На бутерброды возложил яйца, идеально поджаренные для этого блюда.

– Кэт!..

Но она уже стояла на пороге кухни.

Те же джинсы, что и вчера, та же красная кофточка. Волосы наспех заколоты, похоже, торопилась.

Кэт не должна быть идеальной. Идеальным должен быть завтрак.

– «Крок-мадам»! – торжественно объявил Ян, пододвигая квартирантке стул.

– Это название? – уточнила Кэт, перепутав, в какую руку брать нож, а в какую – вилку.

– Да, это название, – укоризненно ответил Ян.

Он разрезал бутерброд пополам. Желток солнечной лавой стек по хрустящим тостам.

Кэт сделала то же самое и отправила кусочек тоста в рот. Глядя на ее выражение лица, Ян остался доволен.

– Зачем ты приехала в город? – спросил Ян, выполняя вторую часть желания.

– Чтобы найти работу. И поступить в универ. Я же только колледж окончила, – протараторила Катя, обмакивая в желток ветчину. Прожевала, жмурясь от удовольствия. – Потом работала – где придется. Казалось, это временно, скоро что-то произойдет, и все изменится. Но в какой-то момент я

поняла, что пролетело два года – и ничего не изменилось. И что вся жизнь пролетит точно также. А я хочу большего. Как все. Поэтому дождалась окончания контракта – и сюда.

– А почему ты решила, что у тебя получится?

– Потому что я сильная и смелая. И везучая.

Ян приподнял бровь.

Интересно, что из всего произошедшего она называет везением?

– Я понимаю, как это звучит. Но ведь я все еще здесь. И ем потрясающий завтрак.

Ян довольно цокнул языком. Ей понравился завтрак. Игра началась прекрасно. Еще немного поболтают, и ему уже можно будет определяться со своим желанием. Голова трещала от вариантов, но хотелось чего-то особенного. Пока он еще не придумал, чего именно.

– А родители?

– Мой папа – водитель в исполкоме. Мама – учительница русского языка. Однажды она не смогла проверить контрольные, потому что их съели крысы. Думаю, родители будут счастливы, если я не повторю их судьбу, – Кэт собрала пальцем на вилку последние крошки и закинула их в рот. – А теперь расскажите... расскажи о своей семье.

“Из миллиарда возможных вопросов она выбрала именно этот”.

Ян отложил столовые приборы и тщательно вытер губы салфеткой.

*

Разрезая гренки на кусочки, Катя с трудом сдерживалась, чтобы не запихать их в рот руками. Они были очень вкусные. У нее даже мелькнула мысль, а не потратить ли на завтраки остальные девять желаний.

Она впервые за месяц выпалась. И пусть утро за окном было мрачным, душа парила где-то над облаками, там, где всегда солнечно. В спальню просачивался сладковатый запах

жареного батона и яиц. Кэт пришла по этому запаху в кухню, где хозяйничал Ян. Сегодня он превзошел самого себя. Вежливый, деликатный, внимательный и совсем не страшный. Только не покидало ощущение, что за «Крок-мадам» ей придется заплатить.

Все шло прекрасно, пока она не попросила Яна рассказать о своей семье. Ян так тщательно вытер губы салфеткой, что Катя подумала: за этот вопрос ей тоже придется заплатить. К счастью, напомнила она себе, из игры можно выйти в любой момент.

– Они не стоят того, чтобы о них рассказывать, – сдержанно ответил Ян.

“В любой момент...”

– Тогда я не буду довольна. А я, согласно правилам, должна быть довольна.

Ян сидел напротив нее, сложив на столе руки в замок. Он казался опытным преподавателем, которому дерзит студентка. Занес ручку над пустой графой напротив названия его предмета и думал, не поставить ли «единицу». Но – нет. Этому преподавателю нравились дерзкие студентки.

– Ты быстро учишься, малышка Кэт.

Ей показалось, что Ян специально придумал это обращение, чтобы в следующий раз она загадала не называть ее так.

Он медленно поднялся из-за стола, поставил турку на огонь, залил в нее воду. Теперь Ян стоял к Кате вполоборота. Оставалось только догадываться, что выражает его лицо.

По кухне расплзался терпкий аромат кофе.

– Мой отец – банкир. Он тот еще... – Ян со звоном поставил чашки на стол. Но его голос по-прежнему звучал бесстрастно. – А мать умерла. Через год после ее смерти отец женился на моей ровеснице, редкостной стерве. Мы не разговариваем с ним больше восьми лет. Теперь ты довольна? Желание выполнено?

– Да, – вполголоса ответила Катя, поднося к губам чашку с горячим кофе. Она предпочла бы обжечься, чем смотреть Яну в глаза.

– Хорошо.

Ян вышел из кухни.

*

Мариша была хороша тем, что всегда ждала его прихода.

Наверное, она где-то работала. И уж точно выходила на улицу. Но каждый раз, когда Ян без предупреждения являлся к ней домой, Мариша открывала дверь в боевой готовности. В зависимости от времени суток: босиком в пеньюаре или в коротком платье и туфлях на шпильках. Либо она была суккубом во плоти, либо мужчины ходили к ней постоянно, а Ян просто счастливым образом избегал с ними встреч.

Она никогда не просила денег. Но, уходя, Ян всегда оставлял пару купюр в ванной на зеркале – на пеньюары и шпильки.

Мариша недурно рисовала маслом. Портреты у нее получались особые, не точные копии людей, а словно размытые. Тягучие цветные линии. Но Ян всегда узнавал себя. И всегда мог различить, мужчина изображен или женщина, подросток или старуха.

Мужских портретов, кстати, было немного, что делало более вероятным вариант с суккубом. Впрочем, версии не исключали друг друга.

Яну нравилось позировать. Вернее, ему нравилось, лежа обнаженным на шелковой простыне, смотреть, как Мариша творит. В ее движениях угадывалось направление линий, чувствовался нажим, при котором густая краска растекалась под напором кисти. Нравилось видеть взгляд Мариши, который находил в его теле столько цветов и оттенков.

Ее взгляд, кстати, был еще одним очком в пользу первой версии: рисуя, она преображалась. Сбрасывала туфли. Короткое обтягивающее платье задиралось еще выше. Длинные завитые волосы лезли в лицо, и, вместо того, чтобы собрать их резинкой, она откидывала пряди запястьем, но все

равно вымазывала лоб и щеки то насыщенно-оранжевым, но канареечно-зеленым.

– Мне нравится рисовать тебя. Ты дикий, – говорила Мариша, нажимая на кисточку, наверное, в том месте, где у портрета было сердце.

Это ее движение кисточкой вызывало у Яна щекотку в солнечном сплетении – или того ниже. Пару раз он подкрадывался к ней: то нежно, по-кошачьи, то стремительно, по-тигриному. Но фокус заключался в том, что наваждение вскоре исчезало, и в его руках оказывалась не демоница, а обычная женщина, раскрашенная, как попугай. Поэтому Ян предпочитал позировать.

Но сегодня он был плохим натурщиком.

Ян надел джинсы и подошел к окну. Мариша жила в доме послевоенной постройки, в мансарде на четвертом этаже. Оттуда открывался вид на изгиб реки и дома с черепичными крышами. По утрам, когда мансарду заливало солнце, а голуби, воркуя, толкались на карнизе, Яну казалось, что, живя здесь, он бы и сам начал рисовать. Но сегодня было пасмурно. Весь город – сплошная серость.

Он открыл окно, спугнув голубей, и закурил.

Мариша неслышно подошла сзади, пропустила его распущенные волосы через кольцо пальцев – и резко отпустила, наблюдая, как медовая волна разливается по плечам.

– Ты как статуя Ахиллеса. Только худой.

Ян молчал.

– Сегодня твой цвет – синий.

– Что? – Ян не донес сигарету до губ.

– Сегодня я рисовала тебя синим, – Мариша положила руки на его голые плечи и развернула к себе.

– Я больше не гогенисто-охристый? – криво улыбнулся Ян.

– Ты совсем другой.

Ян глубоко вдохнул табачный дым. Что она видела? Кроме того, что ей полагалось видеть?

– Я хочу сделать человеку больно. Женщине. Хотя она, в общем, ничем этого не заслужила.

А еще он очень хотел, чтобы Мариша убрала руки с его плеч. Словно прочитав его мысли, она отошла в сумеречную глубь мансарды.

– Этим ты мало отличаешься от других мужчин. Но в тебе тоже есть слабое место. Есть Ахиллесова пята.

– К счастью, даже я не знаю, где она.

Ян проследил, как окурок, отскочив от замшелого ребра водосточной трубы, упал на влажную землю. Задернул штору и шагнул к Марише.

Глава 4. Казино

Ян ушел на рассвете. Застегивая на ходу рубашку, сбежал по винтовой лестнице.

Утро было чистым, прозрачным. Последние облака таяли за далекими высотками. Здесь, в старом квартале, время катилось вспять, и, если прислушаться, можно было уловить цоканье копыт, которое помнил булыжник.

Возле трамвайной остановки, расставив полукругом ведра и трехлитровые банки с розами, сидела старушка, закутанная в деревенский платок.

Ян переводил взгляд с одного букета на другой и не мог определиться, пока не заметил миниатюрные чайные розы. Капли росы на них вспыхивали и переливались всеми цветами радуги.

Идея, которая только что пришла ему в голову, была идеальной, как это утро. Как эти цветы.

– Красивые розочки, сынок, только маленькие. Возьми белые, большой бутон. И стоять будут дольше.

– Мне нужны эти, – и когда старуха склонилась над ведром, Ян остановил ее. – Доставай самые лучшие. Те, что в сумке.

– Очень красивые, самые лучшие... – бормотала старуха, заворачивая цветы в газету.

Ян, любуясь, коснулся лепестка. На пальце осталась капелька росы.

Да, они были самыми лучшими.

Он вернулся к Марише и, оставив цветы в коридоре, склонился над ее ухом.

– Можно на время взять у тебя пару платьев?

Мариша ответила что-то, похожее на «мяу». Ян принял это за согласие.

Он отдернул шторку, заменяющую шкафу дверь, и перелистал вешалки в поисках подходящего наряда. Пары платьев не набралось, но, по крайней мере, одно было в самый раз.

Затем пересмотрел обувные коробки – не то. Заглянул под подошвы платьев – и извлек пару черных замшевых туфель. Проверил подошву. Здесь, конечно, он мог ошибиться.

Вытряхнул туфли из первой попавшейся коробки, положил туда замшевые. Перевесил через локоть платье и, прихватив цветы, выскользнул за дверь.

*

Это было самое тихое утро с тех пор, как она поселилась у Яна. Ни оглушительной музыки, ни разговоров по телефону, ни хлопанья дверей. Катя бесшумно оделась и проскользнула в ванную. Поморщилась, когда скрипнул кран: так можно испортить сюрприз.

Развела тесто и стала печь оладьи, одними губами ругая сковородку, на которой комом получился не только первый блин, но и второй, и третий. К тому времени, как насобирались горка золотистых оладушек, Катя уже была сыта «бракованными». Но, главное, Ян об этом не знал.

Когда распахнулась дверь кухни, Катя от неожиданности едва не выронила тарелку с оладьями, которую несла к столу.

– Субботние блинчики! В моей семье есть такая традиция: по выходным мы всегда готовим блинчики. Присаживайся!

Катя подвинула тарелку Яну, облизала жирные пальцы.

– Тебе с вареньем? Со сметаной?

– Нет, я так, – он сложил оладушку лодочкой и откусил половину. – Вкусно.

– По тебе не скажешь, – заметила Катя, пристраивая возле его тарелки большую чашку чая. Поскребла по дну ложечкой. Вынула ее, оставив на столе дорожку мелких капель.

– Просто... я привык готовить себе сам, – Ян вытер руку салфеткой, медленно, палец за пальцем. – Это что? – он заглянул в чашку. – Чай? Зеленый? С сахаром?!

– Да, Ян, – Кате нравилось произносить его имя, оно приятно щекотало нёбо кончиком языка. – Я же вчера пила твой кофе, хотя терпеть его не могу. И съела бутерброд, хотя ты не обрезал у сыра корочку.

– То есть тебе не понравился мой завтрак... – словно сам себе произнес Ян и отодвинул чашку с нетронутым чаем к центру стола.

– Не то чтобы не понравился... Но были нюансы. Думаю, когда два человека живут вместе, всегда есть нюансы. С этим нужно просто смириться.

Ян набрал в легкие воздуха, но, похоже, произнес не то, что намеревался.

– Я готов озвучить свое желание, малышка Кэт.

Катя опустилась на стул. Не сводя с Яна глаз, машинально вытерла руки полотенцем.

– Хочу, чтобы сегодня ты пошла со мной в казино. И сделала за меня ставку.

Катя незаметно выдохнула.

– А почему ты сам?..

– Потому что мое время еще не пришло, – с легким раздражением перебил ее Ян. – В общем, сегодня вечером ты

сделаешь ставку за меня. Это мое желание.

– Ладно! – поспешно согласилась Катя и, видя взгляд Яна, добавила. – То есть, у меня в любом случае нет выбора.

– Совершенно верно, – устало согласился Ян. – А теперь я пошел спать. Снова.

*

Она готовит ему завтрак на его же кухне.

Она облизывает пальцы.

Она считает, что правила игры включают и совместное распитие жуткого чая.

Она думает, что ее границы в этой квартире волшебным образом раздвинулись за пределы ее комнаты.

Как же она ошибается!

Но он не скажет ей об этом. Не испортит игру. Потому что настало время загадать свое первое желание.

Кэт, похоже, ощутила драматизм момента. В ожидании приговора опустилась на стул и стала вытирать руки полотенцем. По второму кругу.

Ян расправил плечи. Приятно, что все возвращалось на круги своя.

Услышав желание, Кэт облегченно выдохнула. Она решила, что ей повезло. Что желание легкое.

Бедняжка Кэт.

– А почему ты сам?.. – начала было она.

– Потому что мое время еще не пришло, – перебил ее Ян.

“Может, загадать, чтоб помолчала пару недель?”

– Ладно! – согласилась Кэт.

“Как будто мне требуется ее согласие!”

– То есть, у меня в любом случае нет выбора.

“Ну, наконец-то!”

– Совершенно верно. А теперь я пошел спать...

“А черт... Я же вроде как только проснулся”.

– ...снова, – добавил Ян.

*

Катя уткнулась носом в черный шифон и глубоко вдохнула незнакомый запах. Платье пахло чужим телом, а еще ванилью и ладаном. Пахло тонко и вкусно. Катю немного смущало, что платье было с чужого плеча. У себя дома она донашивала наряды троюродной сестры. Но это платье пахло совершенно чужой женщиной. Ей представлялась изящная восточная красавица с персиковой кожей и раскосыми зелеными глазами.

Она продела платье через голову, и оно легко скользнуло по телу.

Очень красивое. Чернее черного. Дорогое на вид, на ощупь и на запах.

Одно плечо оголено, через другое, сползая вниз и кольцом охватывая под грудью, перекинулись скрученные полоски ткани. Платье длинное, в пол. Даже при легком движении воздушные складки открывали разрез почти до бедра.

Катя не сразу заметила Яна. Он стоял, прислонясь к дверному косяку, и покусывал зубочистку. Улыбка постепенно сползала с Катиного лица.

– Так не пойдет, – заключил он.

– Почему?!

– У тебя шлейка торчит.

– Потому что наряд такой, – терпеливо пояснила Катя. – Голое плечо, вот и торчит.

– Так не носят вечерние платья. Это некрасиво. Лифчик придется снять.

У Кати запыхало лицо. Она машинально прикрыла грудь руками.

– Да ладно! – Ян закатил глаза. – Я же не прошу тебя пойти голый. Хотя...

– Я сниму! Выйди!

Ян послушался. Катя отвернулась к окну и, не снимая платья, расстегнула застежку бюстгалтера.

– Можно уже? – требовательно раздалось за дверью.

– Секундочку!

Засунула лифчик в сумку, суматошно отвела со лба непослушные пряди, одернула платье.

– Входи!

– Это тебе в честь выполнения моего первого желания, – Ян поставил вазу с розами на стол.

Катя ахнула. Ей никогда не дарили столько цветов. И таких красивых.

Ян отряхнул одну из роз, сбивая воду, надломил стебель и, манипулируя шпилькой, стал закреплять бутон над Катиным ухом. Рукав его рубашки терся о ее обнаженное плечо. Катя осторожно вдохнула. Ян пах табачным дымом, мылом и еще каким-то своим особым запахом, очень приятным, будоражащим.

– Идеально, – заключил, любуясь своей работой.

Катя счастливо заулыбалась.

Ян продолжал ее удивлять. Набросил ей на плечи свой пиджак, пока они ждали такси. Машинальным движением открыл перед Катей дверь машины. Сел вместе с ней на заднее сидение.

Это все волновало, изумляло, увлекало. Шикарное платье, розы, такси, ожидание казино, выполнение желания. Отсутствие бюстгалтера. Вспомнив о последнем, Катя поежилась. К счастью, складки ткани прикрывали грудь в нужных местах. Об отсутствии лифчика говорил разве что легкий румянец на ее щеках.

– Замерзла?

Катя показалось, что Ян хотел взять ее за руку.

– Нет, все нормально. Просто я ни разу не была в казино, – ответила она и отвернулась к окну.

*

Знакомый охранник, кивнув Яну, засмотрелся на его спутницу и не сразу открыл дверь. Двое мужчин, кутившие у входа, прервали разговор и проводили Кэт долгими взглядами. Все шло по плану.

Кэт ходила по залу, без остановки скользя глазами по черно-красным глянцевым стенам с зеркальными вставками, лампам над игральными столами, дамам в шикарных платьях и мужчинам в дорогих костюмах – и никак не могла насмотреться.

– Зачем ты издеваешься над девушкой? – прозвучал нежный шепот над ухом Яна.

– Это просто игра, – не сводя взгляда с Кэт, ответил он.

– Игра, в которой один из игроков не знает правил?

Ян отвлекся от своей подопечной. Мадлен, как всегда, была обворожительна. Каждый жест, взгляд, поза отрететированы настолько, что казались естественными. Щелкни затвором фотоаппарата в любой момент – и получится отличный снимок.

– Как ты догадалась?

– Она совсем из другой лиги. Не охотница. И даже не приманка. Она, как пресноводная рыбка, случайно заплывшая в океан. Это не ее среда обитания.

– Рыбка может погибнуть? – с любопытством поинтересовался Ян.

– Ее съедят. Вижу как минимум трех акул, – Мадлен коснулась кончиками пальцев его щеки и уплыла.

Ян отыскал глазами Кэт. Она то и дело прятала смущенную улыбку в бокале с шампанским. Чуть склонив голову на бок, Ян наблюдал, как мужчины слетаются к его спутнице. Нет, они не были акулами. Их привлекала не кровь, а сладкий аромат юности и невинности, который беспечно распространяла Кэт. Эти толстобрюхие шмели были слепы к тому, что так быстро

разглядела Мадлен. Они видели совсем другую женщину. Принимали ее смущение за кокетство. За набивание цены.

Он остановил того, кто коснулся ее плеча.

– Она со мной.

– Спасибо! – крепко держа Яна под руку, Кэт жалась к нему, не представляя, какие чувства вызывает. – Еще немного, и мне пришлось бы прятаться от них в туалете.

Они остановились у рулетки. Мажоры с жадностью следили за шариком, совершающим обороты. В этот раз вместо знакомого крупье колесо раскручивала молодая девушка. Ян просканировал ее взглядом, ни на чем не задержался, и переключился на Кэт.

– Ты знаешь, что сумма всех чисел на рулетке, на этом «чертовом» колесе, равна шестистам шестидесяти шести – числу зверя?

Наблюдая за шариком, скачущим по секторам, Кэт покачала головой.

– А сегодня шестое число шестого месяца. Так что только попробуй не выиграть, моя везучая Кэт, – зловеще-ласково предупредил Ян.

Шарик упал на сектор под номером «33». Сыграло несколько мелких ставок. Девушки, повизгивая, забрали выигрыш. Судя по мрачному лицу их патлатого друга, он был тем, кто поставил тысячу на «11» и «22».

– Это номинал в тысячу долларов, – Ян зажал в ладони Кэт желтую фишку.

– Это самая дорогая фишка?

– Нет.

Кэт нахмурила брови.

– А какая самая дорогая?

– Десять миллионов долларов. Казино «Алладин», Лас-Вегас, штат Невада, – процедил Ян. – Может, уже сделаешь ставку?

Он легонько подтолкнул ее к свету, а сам остался в тени.

– На черное, пожалуйста, – попросила Кэт крупье.

Ян машинально потер ладони о брюки, жутко хотелось курить. Но в его условном договоре с удачей был пункт: в казино – ни сигарет, ни алкоголя.

*

Закусив губу, Катя раскрыла ладонь. Фишка казалась игрушечной. Простой желтый кругляш, а стоил тысячу долларов. Тысяча долларов! Это же сколько нужно работать ее маме, чтобы купить такую фишку?! А Ян был готов пожертвовать всей сумой только затем, чтобы проверить удачу.

Шарик катился по ободу рулетки, а Катя считала.

...Если не откладывать, не платить по кредитам...

Ее ставка сыграла – Катя даже не удивилась. Она была уверена, что Ян выиграет, пусть и с ее помощью. Его удача казалась осязаемой.

– Отлично, малышка Кэт. Забирай выигрыш – и пойдём, – прозвучал за спиной голос Яна.

...Если почти ничего не покупать – примерно полгода.

А еще он заставил ее снять лифчик.

– Пожалуйста, распределите всю сумму по числам: один, два, три... – за спиной раздалось разъяренное «Кэт!» – И десять, – Катя невинно улыбнулась. – Счастливое число моего друга.

– Ставки сделаны. Ставок больше нет, – объявила крупье.

Катя слышала, как разрасталось, чернело молчание Яна, но он уже ничего не мог поделать.

Эмоции, заставившие Катю рисковать чужими деньгами, постепенно испарились. И теперь она отчетливо чувствовала безмолвный гнев Яна. Лучше бы ей теперь не выходить за пределы светового круга.

Шарик заметался по секторам, и быстрее, чем Катя поняла, что произошло, услышала за спиной выдох.

Выиграло число «10». Настоящая удача! Катя взвизгнула, сжав от радости кулаки, и обернулась, представляя, как обрадовался Ян. Может быть, они хлопнут ладонью о ладонь друг друга, как отлично сыгранная команда? Но Ян по-прежнему был мрачным.

– Теперь ты, наконец, остановишься? – спросил он.

Катя молча собрала фишки.

Ян злился. Но хотя бы сдержал обещание и поделился половиной выигрыша.

В ожидании такси, они вышли на крыльцо.

Катя мерзла. Потирала плечи руками, переминалась с ноги на ногу. Туфли жали неимоверно. Она даже подумала, не снять ли их, но не хотела еще больше злить Яна. Он смотрел в одну точку, куда-то на тротуар пустынной улицы, словно видел там что-то зрелищное: драку или страстный поцелуй. И долго чиркал зажигалкой, прежде, чем смог прикурить. Радовало лишь то, что сейчас настала не его очередь загадывать желание.

Приехало такси. Ян сел спереди. Катя смотрела на его макушку, на медь волос, вспыхивающую, когда они проезжали мимо фонарей, и думала, как же ей повезло. Не только в казино. В жизни. Встретить такого человека, как Ян. Да, непредсказуемого, жесткого, циничного, но заботливого. Он раздобыл для нее красивое платье, подарил цветы, сводил в казино, разрешил бесплатно жить в его квартире. А взамен просил так мало.

Дома Катя достала бутон из прически и положила его на подоконник, чтобы засушить на память о замечательном дне.

Она уже надела пижаму, когда раздался стук в дверь.

– Похолодало. Я принес тебе одеяло.

Кутаясь в простыню, Катя открыла дверь.

Ян хотел что-то сказать еще, но так и остался стоять с открытым ртом: в руке у Кати он увидел стул. Ошарашенно

посмотрел ей в глаза.

– Ты... – Ян еще раз подумал, прежде чем озвучить мысль.
– Ты подпираешь дверь стулом?!

Катя молчала. Ну что она могла сказать?

Ян покачал головой.

– Я даже не знаю, смешно это или печально. Наверное, все-таки смешно, – но он не улыбнулся. – В следующий раз, когда решишь, что я собираюсь напасть на тебя, нажми на кнопку под дверной ручкой. Это замок. Чтобы разблокировать его, просто опусти ручку, – Ян вручил ей одеяло. – Спокойной ночи.

Катя натянула одеяло до ушей.

Что же теперь загадать? И как вложиться в десять желаний? Ведь у нее никогда ничего не было. А столько всего хотелось! Увидеть город, почувствовать его. Хотя бы одним глазком взглянуть на жизнь, которую каждый день видят женщины, подобные знакомой Яна из казино. Они с Катей выглядели похоже: у обеих – черные платья в пол, даже бутоны чайной розы в волосах. И в то же время, они казались такими разными... Та – шикарная, роковая. Весь мир лежал у ее ног. А Катя трепетала от вида шашечек такси.

Но она своего добьется.

У нее все получится.

“Я сильная и смелая...”

*

Ян стоял у окна со стаканом виски у окна, размышляя о том, что его квартирантке очень идут поднятые волосы. Не дурацкий деревенский пучок, а небрежно заколотые, словно наспех собранные. Когда, кажется, вынь заколку – и они стекут по плечам мягкими волнами. Этот цвет, молочный шоколад с легкой рыжинкой, красиво играл бы на ее светлой коже. Ян легко мог представить, как девушка, откликаясь на его голос, поворачивает голову анфас, и сочные локоны, вздрагивая и пружиня, скользят по ее обнаженным лопаткам.

Ян заставил себя подумать о другом.

Поставив на число, она совершила громадную ошибку. Это было очень плохо – вне зависимости от исхода игры. Если бы Кэт проиграла, Ян бы лишился значительной части денег – а у него сейчас было мутно с везением. Но Кэт выиграла. И это, если смотреть правде в глаза, было еще хуже. Сама того не понимая, она нарушила давний договор Яна, который нарушать не стоило. Один черт знал, какие теперь его ждали последствия.

Ночь выдалась долгой. Яну снилось, что шарик нарезал круги по рулетке, – и даже во сне он чувствовал, как звук, усиливаясь, отзывался в солнечном сплетении. А потом шарик падал: то на красное, то на черное. Пятьдесят на пятьдесят. Как у любого другого игрока. У Яна больше не было власти над рулеткой.

Утром он проснулся разбитый. Недавно постиранная наволочка пахла потом.

Глава 5. Султан

Газо исчез.

Уже три дня, как он не отвечал на звонки. По словам охранника, директор не появлялся и в офисе, хотя его бумер сиял красной крышей прямо у окошка подземного паркинга. Полгода назад Газо сменил квартиру, в гости не звал, так что его домашнего адреса Ян не знал. А Газо был ему очень нужен. И не только из-за долга.

Три дня назад Ян привел Кэт на берег озера, чтобы она озвучила свое следующее желание. Кэт отправилась к воде «подумать», а Ян, постелив ветровку, разлегся на траве. Он поймал себя на мысли, что вывел квартирантку прогулять – как домашнего питомца.

Подложив ладони под голову, Ян наблюдал, как над ним, поскрипывая и потрескивая, шевелились ветви клена. Сквозь листья просвечивались голубые лоскутки неба. Пахло одуванчиками и влажной землей.

Прошел час, а Кэт все с таким же сосредоточенным видом курсировала вдоль воды.

– Придумала!

Ян нехотя приподнялся на локтях.

Кэт увлеченно кромсала батон и бросала мякиши в воду. Утки хватали их, вытягивая головы. Идти к нему она явно не собиралась.

Ян снова опустил голову на руки, закрыл глаза и, пролежав так несколько секунд, рывком поднялся.

– Ну, и что ты придумала? – спросил Ян, щурясь от солнечных зайчиков, скачущих по воде.

– Хочу, чтобы ты нашел мне работу.

Ян засунул руки в карманы, качнулся на пятках.

– Хорошо оплачиваемую интересную работу, – добавила Кэт. – Это мое желание.

Ян думал, перекатываясь с пяток на носки.

– Какое у тебя образование?

– Экономический колледж. Специальность – экономист. А еще у меня есть квалификация страхового агента и оператора ЭВМ.

– Ну-ну, здесь, куда ни глянь, всем позарез нужны экономисты из... как там... Бешенковичей.

Что-то промелькнуло в ее взгляде печальное и тяжелое.

– После колледжа я два года работала в местной газете. Оператором по компьютерному набору.

– Тексты набирала? – Ян посмотрел на нее с жалостью. – Два года?

– Еще каждое лето я поливала цветы на городских клумбах. Сдавала ягоды и яблоки...

Ян жестом остановил ее.

– Спасибо. Можешь не продолжать.

Кэт выглядела такой несчастной, что ему стало смешно.

– Хорошо. Я найду тебе работу, – как можно серьезнее произнес он.

Но за три дня он так ничего и не нашел.

Не так уж и много его знакомых могли бы устроить «нулевую» девочку на «интересную и хорошо оплачиваемую». Белый мог бы. Но он в свадебном путешествии где-то в Индии. Драгунский в запое. Жора недавно застал Яна со своей дочкой – пусть ей и стукнуло восемнадцать.

А Газо не отвечал на звонки.

Когда стеклянные двери выпустили секретаршу, Ян преградил ей путь. К тому моменту он уже чувствовал себя вскипевшим чайником, готовым выплюнуть свисток. Секретарша, в отличие от своего босса, этой встречи не ожидала. Она прижала к груди сумочку, словно Ян собирался ее отнять. Красный рот застыл буквой «о».

– Мне нужен Газо, – нависая над ней, потребовал Ян.

– Гаспар Зорапетович... – опустив глаза, начала было Милена, но Ян перебил ее.

– Передай ему, что дело не в долге!

Она стояла перед ним, жалкая, напуганная. И так вдруг муторно стало на нее смотреть, так мерзко – от попыток подкараулить «друга», с которым давно его связывал лишь денежный долг, что возникло навязчивое желание вымыть руки.

– А знаешь, – Ян достал сигарету из пачки, чиркнул зажигалкой, – лучше передай ему, пусть катится к черту, – он прикурил. – Свободна.

*

Благодаря выигрышу в казино, у нее появились деньги. Часть из них Катя отослала маме. Оставшуюся сумму разделила на три стопки: «неприкосновенный запас», «на будущее», «можно потратить». Она уже купила спортивный рюкзак и пестрый шелковый шарфик, который освежал мрачный цвет плаща, и теперь, гуляя по проспекту, размышляла, как еще распорядиться деньгами из третьей стопки. Но ее фантазии прервал божественный запах картофеля фри. Она ни разу в жизни не была в Макдональдсе.

В переполненном зале Катя почувствовала себя неуверенно. Кто-то толкнул ее локтем, кто-то встал впереди нее. Но она дождалась своей очереди, сделала заказ и села за столик. Макая картофельные стручки в кетчуп, она наблюдала за скользящими иномарками.

Когда машины тормозили на светофоре, Катя рассматривала людей в салонах. Мало кто из них просто сидел, почти каждый был чем-то занят. Ей нравилась эта возня: здесь, с высоты столика в Макдональдсе, суматоха казалась упорядоченным хаосом. А если есть законы, которые им движут, значит, его можно понять.

Ее взгляд упал на окна ресторана через дорогу, и Катя перестала жевать чизбургер. Там, за стеклом, за столиками с белыми ажурными скатертями, сидели леди и джентльмены. У них были красивые прически, прямые спины и уж точно белозубые улыбки. Наверняка, они оставляли на столе крупные купюры и уходили, не дожидаясь сдачи. А если вдруг засиживались допоздна, вышколенные официанты зажигали свечи на их столах.

Женщина, заговорившая с Яном в казино, конечно, ужинала в подобном месте.

Чизбургер вдруг потерял вкус.

Катя с трудом затолкала в себя обед. Собрала в рюкзак неиспользованные салфетки.

Дорога домой показалась длинной и тоскливой, наполненной обрывками мыслей, которые Катя не формулировала до конца, чтобы окончательно не испортить себе настроение.

В парке возле дома уже горели фонари. Катя брела по асфальтовой дорожке, потягивая через трубочку теплую колу. До подъезда оставалось рукой подать.

Она не сразу поняла, что мимо нее прошел Ян. Узнала его по рыжей гриве – других людей с такими волосами Катя не встречала. Окликнула. Он обернулся.

– Чего шастаешь по ночам? Это нехороший район, – вместо приветствия заявил Ян.

Катя поникла, как сдувшийся шарик. Села на скамейку. Ян сел рядом, нашарил в кармане куртки сигареты. Закурил, прикрывая ладонью пламя от легкого ветра.

Сидели молча. Ян курил, Катя смотрела на листья каштанов. Кое-где между нами уже проклевывались колючие зеленые плоды.

– Значит, ты экономист, – первым заговорил Ян. – То есть с цифрами у тебя все в порядке.

– Более чем! – загорелась Катя. – Я очень быстро считаю в уме!

– Двадцать три умножить на тринадцать.

– Двести девяноста девять.

Ян считал на пару секунд дольше.

– Хм... – он кивнул и выпустил струйку дыма. – Покажи ладони.

Она показала.

– Тыльной стороной.

Перевернула.

– Так... Руки красивые, пальцы длинные, шрамов нет. Устрою тебя в казино крупье. Внешность подходящая. Возраст тоже. Жаль, что иностранных языков не знаешь... Ты же не знаешь?

Катя опустила глаза.

– И вот эти опускания глаз... Прекращай, ясно? А теперь пойдем, покормлю тебя, чудик.

“Чудик”.

Катя подняла воротник, чтобы спрятать новенький шарф.

– И не ходи здесь одна по ночам. А то некому будет выполнять мои желания.

*

Жуткое место.

Сюда Ян попал лишь однажды, шесть лет назад, когда его постоянная удача привлекла внимание Султана – владельца сети казино. В тот раз Ян откупился: пообещал приводить гостей, которые с лихвой компенсируют его удачу своей неудачей. Но все равно остался осадок – словно вкус железа на губах.

Теперь Ян пришел сюда сам. И выбрал для этого не самое удачное время. Он давно уже не водил в казино гостей. Кроме Кэт, которая умудрилась крупно выиграть. Да еще и эта шутка с розой... Не факт, что Султану она тоже показалась смешной.

Владелец казино ждал его, сидя за дубовым столом с кривыми ножками. Своим видом Султан напоминал мастиффа – и тот час же вспомнился гаденький анекдот про собаку этой породы. Ян едва сдержал смешок. Такая вольность могла дорого ему обойтись – во всех смыслах.

– Я пришел с просьбой, – начал Ян, когда Султан указал ему на низкое кожаное кресло. Провожатый бесшумно удалился. – Одной девушке очень нужна работа. Возьми ее к себе крупье.

На обычно застывшем, как вода в болоте, лице Султана изобразилось нечто, похожее на удивление. Но это длилось доли секунды.

– Мне сейчас не нужны крупье.

– Поэтому я и называю свое предложение просьбой.

Султан достал из деревянной коробки сигару, гостю не предложил.

– А я думал, для тебя все женщины – шлюхи.

Ян не сразу понял, откуда Султан мог это взять. А когда понял, опустил голову, скрывая улыбку. Кто бы мог подумать, что байка о цветах в волосах, услышанная много лет назад, окажется правдой.

– Это девушка для меня – никто. Я просто проиграл пари.

Султан отрезал конец сигары ножницами с округлыми лезвиями, между которых можно было без труда представить

чей-нибудь палец, и смотрел на Яна. Ян взгляда не отводил.

– Хорошо, – наконец, согласился Султан, разжигая сигару длинной, как спица, спичкой. Очень медленно, даже ласково, прокручивал торец над огнем. – Приводи, посмотрим, выйдет ли из нее крупье.

– У нее все для этого есть. Сообразительная. Считает мгновенно. Приятная внешность. Грамотная речь. С языками проблема, но она подтянет это дело, – на радостях доложил Ян.

– Слушай, старик, а как у тебя с языками? – Султан подул на зажженный конец сигары. Он вспыхнул ровным красно-оранжевым огоньком.

– Английский, испанский – в совершенстве. Немецкий и французский – разговорный, – сказал Ян – и пожалел.

– Хорошо, – Султан кивнул сам себе. – Очень хорошо.

– И что ты попросишь у меня взамен? – Ян с трудом сдерживал желание поерзать на стуле, как школьник.

– Может быть – ничего. А может, твою душу, – улыбаясь желтыми зубами, ответил Султан и затушил сигару в мельхиоровой пепельнице в виде раскрытой ладони. – До скорого.

Игровой зал только начинал приходить в движение, будто отходящий от перрона поезд. Несколько клиентов лениво прохаживалось между столами, выбирая, за которым потратить деньги. Женщина, занявшая место у рулетки, вела монотонную беседу с крупье. Сквозь легкую музыку проступал ласкающий ухо звук летящего по ободу шарика.

Ян отыскал Мадлен в баре. Она сидела на высоком стуле, позволяя редким зрителям любоваться видом ее ног, который открывался в разрезе длинного черного платья. Заметив Яна, Мадлен в знак приветствия приподняла бокал с мартини. Ян широко улыбнулся – и склонился над бутонем в ее волосах. Так и есть, в центре искусственной розы, среди бархатистых пестиков выглядывал черный прутик, не имеющий отношения к конструкции цветка.

– Да, Султан, совсем забыл! Когда ей придти? – спросил Ян у бутона.

– Султан Ахмедович просит передать, что девушка должна явиться завтра к двенадцати, – сообщила Мадлен.

Они еще стояли так некоторое время, улыбаясь друг другу одними глазами.

– И еще, – добавила Мадлен, когда Ян направился к выходу. – Султан Ахмедович просит напомнить, что, согласно правилам внутреннего распорядка, с того момента, как твоя протееже начнет работать в его сети казино, тебе сюда вход будет закрыт. Навсегда.

*

– Только представь! – эмоционально жестикулируя, Ян расхаживал по кухне. – Этот Султан ведет прослушку через цветок в прическе шлюхи – или всех его шлюх! Может, и видео пишет. С него станет!

Катя сидела на стуле, поджав под себя ноги, и отчаянно зевала. Ян только что шумно ввалился в дом и разбудил ее.

– Какой шлюхи? – она прикрыла зевок ладонью.

– Ну, той шлюхи, в казино, с которой я разговаривал, помнишь?

Пытаясь прикурить, Ян не видел, как выпрямилась Катя.

Очень медленно, чтобы оттянуть отгадку, она складывала кусочки в общую картину. Но отгадка все равно появилась. Все эти мужчины вокруг нее, все эти сальные взгляды... Как же ей стало тошно! Гадко – до слез!

– Ты нарядил меня... как шлюху?

Ян, так и не прикурив, поднял на нее взгляд. Понял, что сболтнул лишнего, и снова принялся чиркать зажигалкой.

Ее лицо пылало.

– Но за что?!

Ян сделал глубокую затяжку и спрятал зажигалку в сигаретную пачку.

– Забавы ради. А заодно, потому что ты вынудила меня рассказать об отце. Не самая приятная для меня тема, – как ни в чем не бывало ответил он.

Катя прикрыла глаза. Это было так несправедливо! Так жестоко! Она лишь пыталась поддержать разговор. Просто не знала, о чем еще спросить. Никакого подвоха.

Она не хотела его ранить – тогда. Теперь хотела. И физически ощущала, как в ней растет, наливается соком неизвестное ранее чувство: жажда мести.

Глава 6. Вечер правды

Вечер. Жара. Духота. Воздух серый, болезненный, с прорезью таящего закатного света. Даже из распахнутого кухонного окна, выходящего в сад, доносился запах расплавленного асфальта.

Больше всего сейчас Кате хотелось запереться в своей спальне, сбросить шорты и майку, на которой застиранные бабочки, казалось, умерли от жары, и распластаться нагишом по кровати в позе морской звезды. Но пока это было невозможно. Ян собирался объявить свое следующее желание. Это делало духоту еще более тягостной.

А для Яна, похоже, настало время праздника: он готовил закуски – крохотные бутерброды с творогом, перемешанным с петрушкой и укропом. Еще была тарелка с ломтиками сыра: ряд – молочный, ряд – желтоватый, ряд – оранжевый. Ряд – с плесенью, – на него даже смотреть было неприятно. Кате Ян доверил мытье винограда и груш, хотя и посматривал за ее руками из-за плеча. А потом – о чудо – она даже пригодилась в нанизывании кусочков фруктов и сыра на шпажки.

Завершив приготовления, Ян взял по блюду на ладонь, как официант, и кивком предложил следовать за ним.

Он вошел в свою спальню, распахнув дверь ногой. Дверь отрикошетила от стены и снова закрылась. Катя протянула руку – и замерла в нерешительности. Всего-то впервые войти в комнату Яна, но сердцебиение участилось.

– Ты скоро?

Катя прошмыгнула в комнату.

Спальня Яна выглядела, как временное пристанище. На полу лежал местами до дыр стертый линолеум. С потолка свисала одинокая лампочка, подвешенная за хвост. В угол забился старый шкаф со стеклянными антресолями, заполненными книгами. На кровати, похоже, успело поспать не одно поколение. И посреди всего этого, на деревянной табуретке с облупившейся белой краской, стоял новенький, блестящий черными боками, выпирающий колонками, музыкальный центр.

– Ого! – Катя провела по глянцевой поверхности ладонью. – Наверное, стоит целое состояние.

– Наверное. Не знаю. Мне он достался по дешевке – ворованный, приятель подогнал.

– Ворованный? – Катя изумленно обернулась. – Ворованный?! – она не могла поверить своим ушам.

– Если бы не я, его купил бы кто-то другой. Какая разница? У меня еще и ворованный ноут есть.

Катя села на край кровати и закрыла лицо ладонями.

Это был совсем другой мир, не имеющий с ее миром ничего общего. Она выросла в семье, где никто бы не стал даже заглядывать в чужое письмо, лежащее раскрытым на столе. А Ян спокойно пользовался заведомо ворованным музыкальным центром.

– Так что там, с желанием? – сквозь ладони спросила Катя.

– Сначала тост, – Ян протянул ей запотевший бокал. Там плескалось, манило прохладой и запахом муската белое вино. – За твой день рождения!

Катя опустила бокал, не донеся его до губ.

– Мой день рождения первого января, ровно через полгода.

– За твой самый первый день рождения. За то, что когда-то... кстати, как давно?

– Двадцать один год назад.

– ...двадцать один год назад ты появилась на свет. Без тебя это лето было бы куда печальнее.

Ян приподнял ножку Катиного бокала, подначивая сделать глоток.

– А теперь мое желание. Оно очень простое, – Ян выдерживал интригующую паузу, Катя смотрела на него с легким укором. – Хочу, чтобы ты все время говорила мне правду.

Катя отставила бокал. Она еще не могла понять, повезло ей с таким желанием – или наоборот.

– А разве можно загадывать долгоиграющие желания?

– Правилами это не запрещается. Ты должна исполнять такие желание, пока не закончится игра. А свое следующее можешь загадать в любой момент.

Катя задумалась.

– Невозможно говорить правду все время, – решила поторговаться она. – Это противоречит человеческой природе. В конце концов, я могу просто забыть!

– Ладно. Всегда говорить правду, когда я попрошу тебя об этом. Так сойдет?

Катя неуверенно кивнула.

– Тогда озвучиваю. Хочу, чтобы ты говорила правду каждый раз, когда я попрошу. Это мое желание, – Ян протянул бокал. Катя машинально чокнулась. – Приступаем. Ты записалась на курсы английского?

Теперь Кате стало понятно, к чему были такие долгие приготовления. У них же весь вечер впереди. Вечер правды. Ее правды. Ну что, ж. Она готова.

– Записалась.

– Хорошо. А как продвигается обучение в казино, повелительница шарика?

– Отлично! – оживилась Катя. – Кстати, ты знал, что шарик в рулетке называется спин?! А фишки – игровыми чипами?!

Ян поднял ладонь, останавливая ее.

– Теперь я хочу, чтобы ты исповедалась мне.

*

Ян знал, что увидит дальше, словно в который раз смотрел свой любимый фильм. Кэт оставит бокал, не сразу проглотит вино, которое только что пригубила. Ее взгляд поменяется от непонимающего к изумленному, а потом – гневному. Побледнеет, а затем покраснеет ее лицо. Возможны отступления в деталях, но окончание будет одно: она сдастся.

– Это... это... богохульство!

– Ладно, – милостиво согласился Ян, хотя Кэт могла бы и выучить: он никогда не отступает, только заменяет одни слова другими. – Хочу, чтобы ты излила мне душу. Рассказала о своих самых гадких поступках. Хочу узнать о тебе всю грязь.

– Во мне нет грязи, – не задумываясь, ответила Кэт.

– Серьезно? – Ян, оставив бокал, повернул ее за плечи: в одну сторону, в другую. – И где твоя кнопка вкл-выкл?

– Что?..

– Если ты не андроид, если ты – живой человек, в тебе есть грязь. И я хочу о ней узнать.

Кэт закусил губу. Подумала. Подняла на Яна решительный взгляд.

– Я кое-что вспомнила.

– Слушаю.

– Когда я была ребенком, то каждое лето проводила у бабушки в деревне.

– Итак... – Ян прислонился к стене и заложил руки за голову.
– Ты – маленькая девочка. Сколько тебе? Десять?

Кэт набрала в легкие воздуха, медленно выдохнула, рассматривая тоненькие голубые вены на тыльной стороне ладони.

– Шесть, – тихо уточнила она.

– Родители посадили тебя в машину и повезли в деревню.

– Нет, – Кэт замотала головой. – Сначала мы ехали на поезде, потом мама всегда оставалась на вокзале, чтобы

вернуться в город, а в деревню меня отвозил на мотоцикле дядя Ваня. Он сажал меня в мотоколяску. До деревни было далеко, минут двадцать-тридцать езды.

– И какой он был, этот дядя Ваня?

– Высокий... Не то, чтобы толстый, скорее, очень плотный. И волосы у него были короткие, пшеничного цвета.

– И что сделал дядя Ваня?

Кэт подняла голову.

– Как ты догадался?

– Интуиция. Так что он сделал?

– Купил бабушке цыплят.

– Не понял... – Ян выпрямился.

– Двенадцать маленьких пушистых комочков. Они выпачкались в земле, я их поймала, всех до единого, и покупала в ведре. Так, как умела: бросила в воду и прополоскала, – словно не слыша слов Яна, тараторила Кэт. – А потом красиво сложила в рядочек. Цыплята были чистенькие, как раньше. Я только понять не могла, почему они не шевелятся.

Кэт, наконец, замолчала. Опущенная голова, сложенные на коленях руки – весь ее вид выражал глубокую скорбь. Тишину нарушил голос Яна.

– Ты издеваешься?

Но – нет, похоже, она не издевалась. Влажные глаза, щеки в красных пятнах.

– Ты просил рассказать о грязи. Я вспомнила это.

Ян потер пальцами лоб.

– Это не то, что я имел в виду. Желание не выполнено.

Кэт перестала шморгать носом.

– Тогда тебе нужно быть точнее в формулировках, – холодно произнесла она. – Я не умею читать твои мысли.

– Хорошо, Кэт. Я исправляюсь. Какие у тебя эротические фантазии?

Глаза Кэт расширились. Отлично. Теперь игра снова шла по его правилам.

– Я имею в виду те фантазии, о которых женщины и подружкам не рассказывают, – довольным тоном продолжил Ян. – Те, о которых тебе даже вспоминать стыдно. Достаточно точная формулировка?

Кэт не шевельнулась. Пожалуй, она даже была в шоке. Ну, и пусть. Ян и не думал, что пойдет с ней так далеко. Попросив – ладно, заставив – рассказать ее о грязи, он собирался не столько слушать Кэт, сколько наблюдать за ней. Но цыплята – это уж слишком.

Ян откусил канapé с рикоттой, губами стянул со шпажки зеленую ягоду винограда. Кэт по-прежнему молчала.

– По крайней мере, ты не отрицаешь, что они у тебя есть. Значит, мы на правильном пути.

*

Катя смотрела на Яна распахнутыми глазами.

Смеркалось. Тени растекались, смешивались с узорами на обоях, растушевывали контуры предметов. Из окна дул легкий ветерок. Теперь он казался Кате ледяным.

– Иногда... – голос прозвучал хрипло. Катя сглотнула ком в горле. – Иногда я представляю...

...Просто сказать.

Она закрыла глаза.

– Ну? – раздался насмешливый, требовательный голос Яна.

– Незнакомку... Женщину...

Еще одна длинная пауза.

– Какая она?

– Красивая...

– Какая она? – настойчивее повторил Ян.

Катя вскочила. Она дрожала, как в ознобе.

– Да не знаю я! Не знаю! Женщина и все!

– Ладно, – сжалился Ян. – Пойдем на кухню, мне надо покурить,

Катя безвольно пошла за ним. Она чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег. Не хватало воздуха. Кружилась голова. Казалось, пол уходил из-под ног. А еще Катю не покидало ощущение, что с нее стекает липкая черная жижа.

Ян усадил ее на стул. Сел рядом, закурил.

– Ладно, Кэт. Успокойся, – он протянул зажженную сигарету.
– Вот, возьми, – Кэт взяла ее дрожащими пальцами. – Затянись.

Она поднесла сигарету к губам. Все так же машинально сделала затяжку. Тяжело закашлялась.

– Давай еще, только не так глубоко затягивай, – учил ее Ян, прикуривая вторую сигарету. – Станет легче.

Катя повиновалась.

Ян уже затушил свой окурочок, а с Катиной сигареты все еще хлопьями падал пепел. И она все также бессмысленно смотрела перед собой. Ян легонько тряхнул ее за плечи.

– Эй, Кэт. Приходи в себя. Ничего страшного не произошло. Просто мы не близкие люди – это да. Но близкие люди разговаривают о таком. И когда-нибудь ты будешь говорить об этом со своим мужем. Это нормально. Это сделает вас ближе.

Катя подняла на него отрешенный взгляд.

– Как... это... может сделать кого-то ближе?

– Узнаешь. Просто позже. Хочешь еще вина? – он забрал у Кати сигарету и затушил в пепельнице.

Катя покачала головой.

– Тогда, думаю, тебе лучше пойти спать.

Катя кивнула.

Не раздеваясь, она легла на кровать и долго смотрела в пустоту. Постепенно шок и воздействие вина проходили, и

Катя начала ощущать, как неприятно пахнут сигаретами пальцы под ее щекой, как разгорается боль в висках. И в какой-то момент она отчетливо поняла, что не хочет просто лежать, вот так, страдая и презирая себя.

Ян, наверное, уже видел десятый сон. Завтра он даже не вспомнит о том, что произошло. Развлекаясь, он раздавил ее, как букашку, вытер палец о салфетку – и забыл об этом.

Катя взяла с подоконника засушенную розу и без стука вошла в спальню Яна. Он сидел на краю кровати, обхватив голову руками. Далекий свет фонаря разряжал темноту, выделяя его силуэт на фоне окна.

– Кэт?..

Катя подошла к нему почти вплотную и медленно, сантиметр за сантиметром, проползая взглядом по его фигуре, подняла голову.

– Теперь моя очередь загадывать желание.

– Я слушаю, Кэт.

– Хочу, чтобы ты исчез. Чтобы у меня была возможность жить без тебя, без твоей квартиры и работы, которую ты мне устроил. Хочу, чтобы ты никогда не возвращался, забыл про мое существование. Вот мое настоящее желание.

Ян не сразу ответил. Но когда заговорил, его голос прозвучал буднично, с легкой иронией.

– Жаль только, что оно противоречит правилам игры.

– Да, жаль, – согласилась Катя.

Ян улыбнулся. Он ни о чем не догадывался.

Катя вложила розочку в нагрудный кармашек его тенниски.

– Хочу, чтобы ты познакомил меня со своим отцом. Это мое желание.

Улыбка исчезла с его лица, губы сжались в узкую полосу. Досадно, темнота скрывала его взгляд.

– Спокойной ночи, Ян.

Она вернулась в свою комнату. Закрыла дверь. И нажала на кнопку под ручкой.

Глава 7. Папа

Такси свернуло с трассы и поковыляло по разбитой дороге.

Ян прикурил четвертую сигарету за поездку. Катя уткнула нос в ладонь. Окно со стороны Яна было приоткрыто, но табачный дым висел в салоне, как туман.

Мелькала коттеджная застройка. Где-то темнели недавно вырытые котлованы, где-то возводились фундаменты. На паре участков, заросших травой и кустарником, стояли таблички о продаже.

Под колеса с лаем бросилась овчарка. Таксист резко нажал на тормоза, взметнулось облако пыли. Пепел с сигареты упал Яну на джинсы – он выругался. Катя вжалась в спинку кресла.

– Поехали, шеф, – мрачно приказал Ян и закрыл окно.

Дышать стало невыносимо, но Катя терпела.

С прошлой недели, когда она загадала желание, Ян ходил мрачнее тучи. Он разговаривал с ней односложными фразами, самой длинной из которых стала «Ты скоро выползешь из душа?!» Мечь, несомненно, удалась. Только душу это не грело. Катя потратила желание на то, чтобы наказать Яна. За то, что все равно не исправить. Ситуация усугублялась тем, что следующее желание было за ним. То самое желание, которое он загадает после встречи с отцом – первой за восемь лет.

От мрачных мыслей Катю отвлекли коттеджи по обе стороны дороги. Даже не коттеджи – замки. У ее родителей в Бешенковичах тоже был свой дом, но по размерам, он, наверное, как раз совпадал с кухней любой местной виллы.

Вот они проехали мимо очередного дворца с окнами до земли, за стеклами которых завивались лестницы. Но его террасе с широким столом могла поместиться не одна семья. Из-за дома выглядывало кольцо баскетбольной площадки. И бассейн!

Наверное, Катя произнесла последнее слово вслух, потому что Ян обернулся и посмотрел на нее снисходительно, зло и с жалостью одновременно. Он был мастер по взглядам.

Машина скатилась к деревеньке, прорезала ее по сердцевине и, поплутав, подкатила к трехэтажному особняку, ослепительно белому на фоне яркого безоблачного неба. Такси, обогнув журчащий фонтан, скрылось из вида.

Ян подошел к калитке. Катя затаилась у него за спиной.

Этот дворец наседали на нее, вызывая желание медленно, тихо попятиться и скрыться за поворотом вслед за такси. И кому она отомстила своим желанием?

Ян нажал на кнопку звонка. Раздалась мягкая переливистая мелодия. Калитка, щелкнув, приоткрылась.

Взойдя на крыльцо, Ян распахнул дверь и пропустил Катю вперед. Ему пришлось легонько подтолкнуть ее, чтобы войти самому: Катя застыла на пороге. Она оказалась в просторном холле, плавно переходящем в гостиную и кухню. Свет пробивался сквозь ветви елок и туй, растущих у дома, и кляксами, зигзагами, спиралями падал на молочные стены, кофейную плитку пола, кожаный диван и кресла цвета слоновой кости.

– Боже мой! Я, должно быть, сплю! – раздался насмешливый женский голос, а затем на лестничной площадке появилась его обладательница: длинноволосая блондинка, один в один кукла Барби, которую Катя видела в детстве у своей подружки. Даже наряды у блондинки и той куклы казались похожими: розовая маечка с серебристыми буквами и короткие джинсовые шортики.

Барби обошла Яна, разглядывая его, как дорогой и весьма привлекательный товар в магазине. Провела ладонью по его груди, коснулась плеч, взъерошила волосы. Ян лишь склонил голову, уворачиваясь от ее руки.

– Закончила спектакль? Где твой Спонсор?

– В кабинете. А зачем тебе?

Ян за руку потянул Катю за собой.

– Когда вернусь, принеси мне ключи от бумера, – бросил он Барби через плечо.

– Какого такого бумера? – насторожилась красотка.

– Того, что у фонтана припаркован. Его бумера. Семьсот пятидесятого. Цвет «Гавана». Чего стоишь? Мне еще объем двигателя сказать?

– С какой стати мне красть для тебя ключи?! – Барби догнала его на лестнице. – Он взбесится!

– Он еще больше взбесится, когда узнает, что я видел тебя в кофейне на проспекте в тесной компании с двумя патлатыми, похожими на мальчиков и на девочек одновременно. Но я ставлю на мальчиков.

– Это неправда!

– А это уж пусть Спонсор решает.

– Кретин!

– Ключи!

Ян рывком распахнул дверь кабинета и втолкнул Катю.

– Привет, па! Знакомься, это Кэт. Кэт, это Игнат Вадимович, мой отец.

Катя выдавила улыбку и пролепетала «здравствуйте».

Отец сидел в кресле у окна, заложив ногу за ногу, и читал газету. Внешне он не был похож на бультерьера, каким рисовала его Катя в своем воображении. Скорее, на стареющего графа. Темно-русые волосы, прореженные сединой, – зачесаны назад. Строгие четкие черты лица – в которых не виделось и черточки Яна. Осанистая, подтянутая фигура – насколько Катя могла рассмотреть из-за газеты. На нем была белая тенниска и серые штаны из какой-то мягкой ткани.

Игнат Вадимович отложил газету, снял очки и медленно, с усилием, поднял взгляд на сына. У Кати перехватило дыхание. Такие глаза она видела только у одного человека – который сейчас стоял рядом с ней. Яркая серо-зеленая радужка словно вбирала больше света, чем у других людей, а

леденящая прозрачность у самых зрачков обглаживала косточки неосторожного наблюдателя.

Кате стало не по себе – как в первую встречу с Яном. Только тогда он смотрел на нее с легким любопытством и снисхождением, а Игнат Вадимович так мастерски ее игнорировал, что в пору было засомневаться в своем присутствии. Впрочем, Катя и сама предпочла бы стать невидимой: не хотелось обжечься о перекрестные взгляды.

Она заметила, как выпрямилась, напряглась спина Яна, выше стал его подбородок.

– И это все, что ты хочешь сказать мне, сын? – сухо, словно ветки хрустели, произнес Игнат Вадимович.

– Да, это все, отец, – в тон ему ответил Ян.

Но не двинулся с места.

За несколько следующих минут – или часов – никто не проронил ни звука. В воздухе потрескивало напряжение. Было слышно, как за окном кукует кукушка и гудит ветер. Тем сильнее давила тишина по эту сторону стекла.

– Познакомились – теперь можем идти, – подытожил Ян.

– Не забудь закрыть за собой дверь, – раздалось в ответ.

Катя выскользнула из кабинета. Ян вышел следом – и прислонился спиной к двери.

– Как все прошло? – шепотом спросила Барби.

Ян посмотрел на нее, словно не понял вопроса.

– Ключи! – он отряхнул ладони, будто бы к ним что-то прилипло. – Благодарю! – сунул ключи в карман. – А теперь, девчонки, поболтайте. У меня еще есть одно дело.

Катя проводила его взглядом и виновато улыбнулась.

Тяжело вздохнув, Барби впервые посмотрела на гостью.

– Кофе? – без энтузиазма спросила хозяйка дома.

– А можно чай? Меня, кстати, Катя зовут.

– Марго, – холодно представилась блондинка.

Они спустились на первый этаж. Катя залезла на высокий стул и, проверяя прочность, поерзала на нем. Каменная барная стойка обожгла локти холодом.

Марго молча поставила перед Катей кружку, бросила в кипяток пакетик с заваркой. Себе плеснула в бокал «Мартини».

– Послушай... – она запнулась.

– Катя.

– Послушай, Катя. Мой тебе совет. Если почувствуешь, что влюбляешься в него, собирай вещи и уноси ноги.

“Влюбляюсь...”

“В кого?”

“В Яна?!”

– Думаешь, это смешно? Считаешь, он не в твоём вкусе? И вообще ни в чьём? Думаешь, он всегда был таким?.. бессмысленным? – Марго смотрела на нее с сочувствием и легким презрением. – Он окончил гимназию с золотой медалью. Какие-то олимпиады повиигрывал. Даже в Японию по этой части ездил – так, к слову. Чтобы его зачислили на факультет международных отношений, он должен был сдать единственный экзамен. Только Ян никуда поступать не собирался. Пошел на тестирование – чтобы родители отвязались – и сдал его через пять минут. Поставил все ответы наобум. Даже вопросы не читал. И знаешь что? Он набрал проходной балл, – Марго, хохотнув, поперхнулась напитком и прижала салфетку ко рту. – Типа подфартило!

Катина рука застыла над чашкой – невыловленный пакетик с заваркой так и торчал поплавком.

– А дальше?..

– Ну, еще полгода Ян делал вид, что учится, потом его исключили. Потом «Здравствуй, армия». Через два года вернулся – и пошло поехало.

– Что пошло? Что поехало? – округлив глаза, спросила Катя.

– О нет, я в это не полезу! Пусть сам тебе расскажет.

“Ага, возьмет и расскажет – за чашечкой кофе”.

– А Ян говорит, что ты – стерва, – выпалила Катя. Непривычное слово гадко коснулось губ. Катя обвела их языком.

– Он еще не знает, насколько! – глаза Барби лукаво блестели. – Спроси его о девушке с фото. Того, что стоит у него в коридоре, – Барби залпом допила вермут. – Ладно, пойду окунусь. Типа приятно было познакомиться.

Не дожидаясь ответа, Марго выпорхнула на улицу. Катя еще немного покрутила чашку в ладонях. Затем прогулялась по гостиной: покачалась в кресле-качалке, постояла перед коллекцией диковинных винных бутылок, выставленных над камином, полюбовалась пейзажами, развешенными на стенах. Яна все еще не было. Тогда, стараясь ступать как можно тише, Катя поднялась по лестнице.

Она отыскала его по пронзительному воплю скотча. Вошла в приоткрытую дверь – и оказалась в комнате Яна. Того самого Яна, о существовании которого узнала только теперь. На кровати лежало покрывало с изображением британского флага. Из-под нее выглядывали потертые носы оранжевых кроссовок. На стене висели дипломы в рамках, постеры музыкантов, карта мира с воткнутыми красными флажками. На столе – пыльная гора тетрадей, альбомных листов и книг.

– Стой за дверью. Это моя территория, – приказал Ян, склеивая скотчем коробку размером с телевизор.

– И что ты забираешь с собой? – проигнорировала его реплику Катя.

– Одну вещь, которая не должна здесь находиться.

Ян поднял коробку – похоже, тяжелая. Придерживая ее, наспех порылся в музыкальных дисках возле компьютера, парочку прихватил с собой.

Бумер мягко покатился по дороге. Катя вдыхала запах кожаных кресел, одно из которых так податливо впустило ее в свои объятия, и все не могла оторвать взгляд от белоснежного

коттеджа, увитого плющом. Она не понимала, как можно отказаться от такого. Ну как?..

*

Приемник зашуршал диском – и заиграла музыка, словно теплый дождь начал лупить по кленовым лапам. Музыка, после которой кажется, что сегодня будет лучший день в твоей жизни.

– Совсем не похоже на то, что ты обычно слушаешь, – удивилась Кэт. – Это блюз?

– Джаз, – нехотя ответил Ян.

– Кто поет?

– Нэт Кинг Коул.

– А композиция как называется?

Длинная пауза.

– Не знаю.

Ян и сам не понимал, почему соврал – «L.O.V.E» когда-то была одной из его любимых песен. Но то ли он просто не желал разговаривать, то ли не хотел глубже пускать ее в свой мир, то ли – произносить слово «любовь» в крохотном пространстве автомобильного салона.

– Ты мог бы общаться со мной и повежливей. Исполнение желания прошло довольно гладко. При этом я не заставила тебя ходить без нижнего белья. И не натравила на тебя пару десятков похотливых женщин.

– Тише. Дай послушать, – Ян покачивал головой в такт музыке.

– ...Хотя для тебя, наверное, это было бы не испытанием, а бонусом.

Ян что-то мурлыкал себе под нос, не обращая на нее внимания.

– Эй! Ничего, что я с тобой разговариваю?

– Просто немного помолчи... – вполголоса попросил он.

– Это твое желание? – ехидно уточнила Кэт.

Ян так резко нажал на тормоза, что заблокировались ремни безопасности. Съехав на обочину, он открыл дверь и жестом, галантным и нетерпеливым одновременно, попросил Кэт выйти из машины.

- Не пойду, – Кэт вцепилась пальцами в края сидения.
- Я просто хочу пересадить тебя подальше от моих ушей.
- Ни за что!
- Ну, тогда сама нарвалась.

Ян отсоединил ремень безопасности и взвалил Кэт на плечо. Не обращая внимания на удары кулаками по спине, открыл багажник и забросил нахапку туда.

- Место для тех, кто не хочет сидеть на заднем сидении.
- Ян!..
- Наклони голову, а то будет больно, – он хлопнул крышкой багажника.

Отряхнул руки. Теперь Ян чувствовал себя значительно лучше.

Машина понеслась по трассе. Проклятия, которые доносились из багажника, по-прежнему мешали наслаждаться музыкой. Ян сделал максимальную громкость. Теперь остались только он и джаз.

Предстояла долгая приятная дорога. Ян нажал кнопку автопилота и откинулся на спинку сидения.

Глава 8. Невеста

Катю мотало по багажнику так долго, словно Ян собирался нелегально вывезти ее за границу. Сначала она барабанила, чем попало, о стенки и кричала погромче, но потом решила, что благоразумней будет вести себя тихо. А то Ян мог разозлиться еще больше и придумать что-нибудь посерьезнее.

Долгое время машина мчалась быстро и гладко. Потом покрытие испортилось, бумер стало потряхивать.

Ян снизил скорость. Когда он прижался к обочине, Катя подумала, не ГАИ ли его остановила. Вот если бы сотрудники автоинспекции попросили Яна показать багажник! Катя даже представила, как делает фото на мобильный как раз в тот момент, когда багажник открывается – и возникает напряженное побелевшее лицо Яна. Но старенький телефон разрядился еще в начале поездки. А лицо Яна вовсе не было испуганным. Скорее, злорадным.

Он вытащил Катю из машины и поставил на ноги. Она огляделась по сторонам. Непонимающе уставилась на Яна.

– Зачем ты привез меня сюда?

– Для исполнения моего желания. Так куда нам теперь сворачивать? – Ян огляделся по сторонам. – Где твой дом?

Путаясь в ногах, Катя обошла его по кругу.

– Какого желания?

– О-о-очень простого. Хочу, чтобы сегодня ты мне подыграла.

Катя остановилась перед Яном лицом к лицу.

– Нет-нет-нет-нет-нет! Что бы ты ни задумал – не смей! Это моя семья!

– А сегодня утром ты познакомилась с моей, – парировал Ян.

В глазах защипало. Катя огляделась, все еще не веря в происходящее. Как такое могло происходить на самом деле? Они стояли на въезде в ее поселок, прямо перед указателем «Бешенковичи». Сразу за указателем, по обеим сторонам улицы, тянулся зеленый забор, а за ним – деревянные и кирпичные домики. Она знала людей, которые жили в этих домах. С Маргаритой сидела в школе за одной партой. Вместе с Витькой поступала в колледж. У Надежды Григорьевны покупала козье молоко для папы – помогало от боли в суставах.

Это был ее мир, ее личное пространство, дорогое, хрупкое. А теперь здесь стоял Ян, который о дорогом и хрупком слухом

не слыхивал. Он приехал сюда, чтобы поглумиться над людьми, которые примут его как родного.

– Ты не понимаешь, – твердо сказала она. – Это моя семья. У нас совсем другие отношения. Мы доверяем друг другу. И никогда не врем.

– Тем интересней.

– Ты же придумашь что-нибудь гадкое! – простонала Катя.

– Обязательно!

– Я серьезно! Это не тема для шуток. Моя семья здесь не причем.

– То есть, ты отказываешься?

– Загадай что-нибудь другое.

– Нет. Это мое желание.

Теперь, когда Ян произнес фразу, после которой не было возврата, по правилам игры оставалось только два варианта: выполнять либо уйти.

– Я не пойду на это.

Ян пожал плечами.

– Ладно. Тогда пока.

Он сел в машину. Бумер тронулся.

Ни работы. Ни жилья. Ни перспектив...

Ей можно было даже не возвращаться в город, просто попросить Яна отправить ее вещи по почте.

Она останется здесь, в родном поселке, в этой пыли по щиколотку. Ей не то, что в ресторан со свечами, ей в Макдональдс путь заказан. В ее жизни больше никогда ничего не произойдет.

– Подожди!

Ян не слышал ее.

– Стой же!

Катя побежала за машиной, но бумер отдалялся.

– Стой!

Она подхватила с обочины камень и швырнула в машину. Раздался глухой металлический звук. Бумер остановился.

– Да! – Катя улыбнулась.

“Или нет...”

Она увидела, как Ян, выскочив из машины, осматривает багажник, и отряхнула ладони, в которых только что был булыжник – словно избавилась от улик.

Бумер дал задний ход. Окно водителя поравнялось с Катей, и стекло опустилось. Ян сдвинул солнцезащитные очки на кончик носа.

– Я подыграю тебе, – ледяным тоном произнесла Катя. – Но если перегнешь палку, игра закончится. И тогда катись к черту,

– Садись, – вместо ответа приказал Ян.

Катя залезла на сидение рядом с водителем.

– Царапину на бампере отработаешь, – добавил он.

Катя буравила его взглядом. Отработает, куда ж она денется.

– Обещаю не перегибать палку, – сжалился Ян.

– На ближайшем повороте налево, – Катя отвернулась к окну.

*

Это было спонтанное решение. И как любое его спонтанное решение, оно было прекрасно.

Если бы Кэт смогла удержать язык за зубами, если хотя бы согласилась пересесть на заднее сидение, ничего бы этого не случилось. Но она сопротивлялась. Буквально заставила запихнуть себя в багажник и задуматься над тем, куда бы поехать, чтобы не доставать ее оттуда как можно дольше. Тут ему и пришла в голову эта идея.

Веселье началось еще до того, как Ян озвучил желание. Лицо Кэт, которая поняла, где находится, он будет вспоминать каждый раз, когда захочет поднять себе настроение. А потом

стало еще веселее. Кэт понятия не имела, что именно задумал Ян, но стала сопротивляться изо всех сил. Впрочем, если б знала, сопротивлялась бы еще больше.

Ян ехал по узеньким пустынным улочкам и удивлялся, как здесь могут жить люди. Середина лета. Суббота. Восемь вечера. А поселок словно вымер. Чем занимается местное население? Где-то раздавались удары топора, где-то блеяла коза, плакал ребенок. И все.

– Остановись, – скомандовала Кэт, когда они подъехали к белому кирпичному дому с цифрой «десять» на фасаде.

Ян припарковал бумер у забора, но машина все равно перекрыла полдороги. Из-под потрепанных «Жигулей», стоявших во дворе, вылез мужчина в спортивных штанах, с голым торсом. Тщательно вытирая перепачканные мазутом руки, он не сводил взгляда с бумера.

– Папа! – Кэт выскочила из машины и бросилась к отцу.

Мужчина расцвел, и лицо у него стало добрым, как у мультяшного персонажа. На долю секунды что-то болезненно кольнуло Яна в сердце, но он тотчас же взял себя в руки.

– Папочка, это Ян! Он...

– Котенок, об этом позже, ладно? Не все сразу, – остановил ее Ян, чем ввел в замешательство обеих.

– Ян, это мой папа, Александр Михайлович, – уже с меньшим энтузиазмом продолжила Кэт.

– О-о-о-очень рад знакомству! – Александр Михайлович протянул руку, поглядывая то на Яна, то на машину. На машине взгляд он задерживал дольше.

– Что ж вы не предупредили... А может, я загоню машинку в гараж? Ну, чтоб не поцарапал кто?

Это была не просьба – мольба. Ян отдал ключи. Александр Михайлович испарился.

– Котенок?.. – прошипела Кэт, поднимаясь на крыльцо.

В ответ Ян лишь пожал плечами, мол, а что такое?

Ее мама выглядела типичной учительницей из школьного детства Яна. Слегка раздобревшая, волосы с химзавивкой, очки с толстыми стеклами. Она расцеловала Кэт, мягко пожала руку гостю – к нему она отнеслась настороженно, но с любопытством.

А потом началась суматоха с чисткой картошки, раскладыванием стола-книги в зале, поиском праздничного сервиза. Кэт ходила понурая, а Ян веселился за двоих. Он разговаривал без умолку, спрашивал, советовал, уточнял. Помогал нарезать салат, стелить скатерть, расставлять посуду.

Ему нравилось, что в каждом окне этого дома колыхалась зелень. Нравились цветочные горшки, отвоевавшие все полки, подоконники и даже холодильник. Нравилось, как поскрипывал деревянный пол. Даже суэта казалась приятной, неспешной.

Ему не нравились только низкие дверные проемы, к одному из которых он уже приложился макушкой. Охая и так нежно за него переживая, Любовь Витальевна принесла из морозилки кусок замороженного мяса, обернутого полотенцем.

Ян сидел, запрокинув голову, приложив мясо к ушибленному месту, и сквозь прикрытые веки подглядывал, как его Кэт с серьезным лицом проверяет количество тарелок и вилок за столом (столовыми ножами здесь, похоже, не пользовались). Как с любованием, склонив голову на бок, украшает салат веточками укропа, только что сорванного с грядки. Как, задумчиво прикусив губу, смотрит в окно, откуда доносилось козье бляение. А на коленях у Яна, перебирая лапами, урчал кот.

Сели за стол. Отец налил до краев в стопочки себе, жене и гостю. Кэт отказалась, что Яну было и на руку. Выпили за знакомство.

– Ну, теперь, думаю, пришло время рассказать, зачем мы приехали. Котенок... – Ян приобнял Кэт за плечи – она сжала челюсти. – Ты расскажешь или я? Давай, я. Дело-то деликатное... – он встал, обвел глазами присутствующих. –

Дорогие Александр Михайлович и Любовь Витальевна! Мы с вашей дочерью собираемся пожениться. Прошу у вас ее руки!

Александр Михайлович застыл.

Любовь Витальевна охнула.

Кэт сидела блее мела и все смотрела на свои ладони, сложенные на коленях.

Первым пришел в себя отец. Он крепко, по-мужски, обнял Яна. Глаза «тестя» влажно блестели.

– Ну, Ян, молодец! Ну, молодец! – быстро обновил стопочку.
– Люб, а? Что сидишь? Глаза на мокром месте... Ян, давай, пока бабоньки в шоке...

Мужчины опрокинули рюмки. Отец звонко хрустнул соленым огурчиком.

– Мы согласны! Еще как согласны! Правда, Люб? – он тряхнул жену за плечо. – Лишь бы Катька была счастлива! Дочура, ну, будешь счастлива?

– Я все для этого делаю, – одарив Яна тяжелым взглядом, произнесла она.

Любовь Витальевна всплеснула руками. Поднялась, опираясь о стул.

– Поздравляю вас, дети мои! – смахнув слезу, она обняла дочку. – Катюша, ну что ты так побледнела?

Ян откашлялся, привлекая внимания.

– А это, собственно, объясняет, почему мы так поспешно решили пожениться.

Мама, нащупывая опору, опустилась на стул. Папа поднял стопку и выпил без тоста. С размахом поставил рюмку на стол, попал криво – на вилку, она громко звякнула о тарелку.

Вздвогнув, Кэт подняла на Яна ненавидящий взгляд.

– Ох, дочка! А я-то думал, ты меня без внуков оставишь!

– Папа...

– А что, девочке скоро двадцать два, а я рядом с ней никогда парня не видел. Вдалеке, под окнами, да, бывало,

околачивался один. Но чтоб рядом, хоть бы под ручку, – да никогда. Вон, в электричке едем, попутчики, парни молодые, и так и сяк, и шуточкой и всерьез – а она в учебник уставится и читает. Так что, хорошо все это, хорошо, – без остановки говорил он, шлифуя «стопарики». – Быстро, конечно. Но хорошо. А внучок или внучка появятся – вот заживем!.. Песочницу построим, песка с карьера навезу...

– Папа! – Кэт подождала, пока отец посмотрит ей в глаза. – Погоди с песочницей. Мы точно не уверены, это еще не на сто процентов. Ведь правда, Ян? – с угрозой в голосе спросила она.

Но Ян, вода вилкой между тарелками с солеными огурчиками и маринованными опятами, даже не взглянул на нее.

– Ну, может, не сто процентов. Может... – он проколол огурец насквозь, – девяноста девять. Тест-то показал две полоски.

– Ян! – Кэт едва заметно кивнула в сторону растерянной взволнованной матери. – Тесты, бывает, ошибаются.

– Бывает. Но этот, надеюсь, не соврал, – сказал он с такой теплотой в голосе, что Кэт не нашла, что ответить.

И вечер закрутился, раздобрился. Кэт, глядя на родителей, со временем и сама повеселела: улыбалась шуткам, вворачивала в обращения к Яну «милый» и «дорогой». Навалила ему целую тарелку «Оливье» со словами «ты же не хочешь расстроить тещу». Потом Ян отпросился покурить и уже из коридора слышал, как «теща» сказала: «Все в нем хорошо, только курит...»

Ухмыльнулся. Прикуривая, мысленно повторил про себя окончание фразы. Выдохнул колечко дыма, поднял голову, следя за ним – и замер. Небо казалось огромным, поглощающим – и многослойным, прозрачным. Млечный путь, такой густой, и в самом деле напоминал разлитое молоко. А звезды... Когда он видел в последний раз такие огромные, яркие, такие четкие – как на картинке в учебнике – звезды?

Козырек веранды позволял рассмотреть только часть неба. Ян сошел с крыльца в поисках более подходящего места. Кружил между теплиц и грядок – пока не заметил лестницу. Приставил ее к стене гаража и залез на крышу. Лег на прохладный шифер.

Он чувствовал себя таким крохотным по сравнению с этим небом и в тоже время таким величественным, словно ему было подвластно все. Немного кружилась голова, ладони и ступни казались большими и горячими, но Ян чувствовал себя не пьяным, а опьяненным. Он опомнился только, когда скрипнула дверь, и Кэт, кутаясь в отцовский бушлат, назвала его имя.

“Волнуется?.. Точно. Я же ее «муж».

Поднялся. В его пальцах тлела, оставив на шифере дорожку пепла, забытая сигарета.

Кэт отвела его в свою детскую – крохотную комнату с милыми девичьими деталями, которые, впрочем, Ян едва мог соотнести с хозяйкой. На стуле прижимались друг к другу плюшевые игрушки. На полке за стеклом стояла коллекция поздравительных открыток с изображением пушистых зайчиков и котиков. С настенной лампы свисал детский рюкзачок, к нему были пристегнуты значки с надписями «Маленькая вредина», «Тону в любви... Спасать не надо», «Я – папина гордость». На подоконнике, перевязанная резинкой для волос, лежала коллекция вкладышей от жевательной резинки «Love is...» Ян знал Кэт совсем другой, и теперь возникло странное ощущение, словно его обманули. Только когда – тогда или сейчас?

– Ян! – строго окликнула его Кэт и кивком головы указала на разложенный диван, где возвышалась стопка постельного белья.

“Наверное, все-таки сейчас...”

Начали с подушек. Молча пеленали их в наволочки, распространяя по комнате запах свежестыранного белья.

Ян мельком поглядывал на Кэт, она не поднимала голову. И Яну очень захотелось нарушить тишину между ними, сделать

что-то совсем уж мальчишеское. Выбить подушку у нее из рук, закутать Кэт в простыню, как в кокон, толкнуть на диван... Но вот подушки одеты и взбиты, а он так и не сделал того, что хотел.

– Теперь простыню, – скомандовала Кэт.

Стали по разные стороны дивана, одновременно приподняли простыню. Она вздулась, как парус, и плавно опустилась.

Ян сжимал губы, чтобы его улыбка не была явной. Они вели себя, как настоящие муж и жена. А учитывая новизну ощущений, новые образы и новые ракурсы, – как новобрачные.

Вместе заправили одеяло. Кэт выключила свет и, само собой, приказала отвернуться, когда стала переодеваться. Но в крошечном замкнутом пространстве было отчетливо слышно, как с легким усилием она стягивает узкие джинсы, как избавляется от маечки, расстегивает лифчик, как ночная сорочка, шурша, плавно сползает по ее обнаженному телу. Опомившись, Ян тоже стал раздеваться.

Юркнув под одеяло, Кэт отвернулась к окну. Она лежала на боку, подсунув ладонь под щеку. Ян – сразу за ней, почти вплотную, подперев голову рукой. Даже сейчас он умудрялся смотреть на нее сверху вниз.

В темноте гудели комары. Ветер надувал занавеску.

Стремительно темнело. В сиреневых сумерках горели фонари. Один бросал косой жженный свет в окно, подсвечивая хвостик «невестинной» косички. Ян очень хотел провести пальцем по ложбинке завитка этого позолоченного хвостика, но снова сдержался.

Потом фонари погасли, и сразу стало заметно, что сирень ночи сменилась на черноту.

– Уже за полночь, – прервал долгое молчание Ян. – «Сегодня» – закончилось. Ты можешь сказать родителям, что мы пошутили. Тогда нас разложат по разным кроватям.

Ян все-таки просунул палец под ляжку ее ночнушки. Кожа Кэт была нежной и теплой. А запах ее словно стал

насыщеннее. Она пахла женщиной, а не девочкой.

Кэт повела плечом. Он послушно убрал руку.

– Язык не повернется сознаться, – с тоской в голосе призналась Кэт. – Так что пока побуду беременной невестой, а там что-нибудь придумаю.

Он все смотрел на голубоватое плечо, высвеченное луной. На блестящие возле уха волосы, которые соскальзывали в черноту и сливались с ней. И он вдруг захотел прижать ее к себе. Ну, что она сделает? Шикнет на него, погрозит вполголоса, но не позовет же родителей. Он улыбнулся от этой мысли. Сначала заартачится – как же без этого. Но потом подчинится, раскроется. А затем и сама ответит. Он знал, как сделать, чтобы она ответила...

Ян закусил губу, чтобы прервать фантазию. Потом успокоился, коснулся подушечками пальцев кружева на шлейке ее сорочки, провел по контуру. Затем осторожно, очень медленно убрал руку и опустил голову на подушку. Он услышал то, что не слышал уже много лет: как где-то внутри его зарождается едва ощутимая мелодия. Ян закрыл глаза, чтобы не потерять ее, ухватить ускользающую ниточку. Эта мелодия и стала его колыбельной.

*

“Пусть только дотронется!”

Катя сжала в кулаке край одеяла. Она не собиралась кричать. Но представляла, куда надо ударить, чтобы отбить у мужчины охоту прикасаться к ней.

“Пусть только!..”

Она чувствовала, как Ян касается кружева на шлейке ее ночной сорочки. И это невесомое, едва ощутимое скольжение ткани по коже, усиливалось тысячекратно и отзывалось во всем теле. И промелькнула мысль: а если она не ударит, не сможет... Катя заставила себя вспомнить липкий взгляд мужчин в казино, шок во время «вечера правды». Поездку в багажнике. Ухмылочки, смешки, язвочки. Спектакль, который пришлось разыграть перед родителями.

О, да! Она сможет!

Но Ян убрал руку и больше за всю ночь ни разу ее не потревожил.

Катя же не сомкнула глаз. Долго лежала, вслушиваясь в звуки за ее спиной: шорох, дыхание Яна. Потом он заснул, а Катя все еще не шевелилась, боясь его разбудить.

Быстро скользил по небу месяц: только выплыл из-за занавески – и вот уже завис над вазоном с геранью. Потом заныл бок, затекла рука, но Катя все еще не шевелилась, потому что в голове прочно засел образ: она поворачивается – и оказывается лицом к лицу с Яном, так близко, что ощущает тепло его дыхания. А потом он открывает глаза, и Катя видит, как в его зрачках плещется по луне, глубоко, как в колодце... И что тогда? Что делать, если его ладонь очень медленно преодолет разделяющее их пространство? Что делать, если ее пальцы не сожмутся в кулак, а потянутся к его лицу...

Она так и уснула, то изнывая от видений, то боясь своих желаний, то потрясенно узнавая себя заново.

Проснулась – и увидела герань на подоконнике. Сирень за стеклом раскачивалась, ее рвал ветер, дождь остервенело бился в закрытое окно. Подходящая погода для такого утра.

Тело не сгибалось, не слушалось. С левой стороны оно было и вовсе незнакомое, неподатливое, чужое. Рука затекла, по ноге бегали мурашки. Не сразу получилось заставить тело повиноваться.

Спохватилась. Обернулась. Выдохнула. Яна рядом не было. Ни в кровати. Ни в комнате. Ни, если повезет, в Бешенковичах.

– Котенок, завтрак готов!

Ян вошел без стука.

Катя рывком натянула на себя одеяло.

– Я больше не обязана тебе подыгрывать! Желание выполнено.

– Да, верно. Можешь прямо сейчас пойти и рассказать, что мы пошутили.

Обреченно вздохнув, Катя опустила лоб на ладони.

Нет, не сейчас. Родители не поймут такой шутки. Потом, постепенно, можно будет отмотать назад. Тест на беременность иногда ошибается. А с женихом она рассорится. Как-то так.

“Ох...”

Она подняла голову, наткнулась на взгляд Яна, странный, серьезный, задумчивый, непонятно что выражающий – совершенно не подходящий ситуации, и вспомнила свои ночные фантазии. Теперь они казались бредом, чем-то болезненным. И было совершенно непонятно, как они залезли к ней в голову.

На завтрак мама напекла оладушек. Ян вежливо попробовал одну, затем выпил полкружки чая. И все постукивал пальцем по сигаретной пачке, переворачивая ее то одним ребром, то другим.

Отец хитрым котом зашел на кухню.

– Надо бы давление в шинах проверить. И масло глянуть.

Катя усмехнулась. Папа с детства грезил техникой, свой первый мопед собрал в десять лет. С такой машиной, Ян стал ему за сына.

Поблагодарив, Ян протянул ключи и, наконец, произнес:

– Пойду, курить охота.

– Никуда ты не пойдешь! – Любовь Витальевна поставила на стол блюдце вместо пепельницы. – На улице такое твориться... И продует, и промочит.

В их семье никто никогда не курил – если не считать самой Кати в «ночь правды». Отец даже запаха табачного дыма не переносил. И вот мама предлагает Яну остаться и покурить в их присутствии.

Катя смотрела на Яна, подперев щеку кулаком, и думала: как же ему удалось так органично вписаться в незнакомую семью, так ловко обвести ее близких людей вокруг пальца? Ян заигрался до такой степени, что собирался пойти на улицу под дождь вместо того, чтобы начать курить на кухне безо

всяких прелюдий. И слово «заигрался» напомнило Кате о другой игре.

– Мам, знаешь, как сильно Ян меня любит? Знаешь, до какой степени? Ты даже представить не можешь! Вот, смотри! Милый... – она обратилась к Яну.

– Да, Котенок? – спросил Ян, зажав сигарету губами. Потом чиркнул спичкой и с наслаждением сделал глубокую затяжку.

– Хочу, чтобы ты больше не курил.

Ян поднял на нее непонимающий взгляд. Он ждал. Больше не затягивался, но и не тушил сигарету. И этот гаденький дымок юлил, завитушками поднимаясь к бревенчатому потолку.

– Сформулирую по-другому. Я хочу, чтобы ты бросил курить, – Катя выдержала паузу. – Это мое желание.

Ян засуетился. Поперхнулся дымом. Ох, и ответит же она за это желание...

– Конечно, Котенок, как скажешь, – выдавил он.

Медленно, словно прощаясь, затушил сигарету. Сгрел в ладонь пачку и вместе с окурком бросил в печь. В полной тишине протянул матери зажигалку.

– Забирайте, в хозяйстве пригодится.

Любовь Витальевна покачала головой. То ли с осуждением, то ли с уважением.

– Желание выполнено, Котенок? – с нажимом на последнее слово, спросил Ян.

– Да, милый.

– Тогда я пойду... подумаю... любимая...

Наклонив голову перед дверным проемом, он вышел из кухни.

Всю дорогу ехали молча. Ян не скрывал раздражения. Он нервничал и явно хотел курить. Даже музыка его не успокаивала. Катя сидела, как на иголках. Мало ли что придет

Яну в голову в таком настроении. А следующее желание было за ним.

Только, похоже, Ян умел лучше ее держать себя в руках. Он не тратил драгоценные желания попусту, а выжидал, очевидно, знакомый с выражением, что месть – блюдо, которое подается холодным.

Она выполнила уже три его желания. Осталось всего семь.

Только слово «все», произнесенное в мыслях, было тяжелым и печальным, почти как «целых».

Глава 9. Хобби

На заправке Ян купил с дюжину пакетиков соленого арахиса и ел его без остановки. По приезду случайно закрыл Катю в машине. Опомнился уже дома, когда она дозвонилась ему на мобильный. Раздражение Яна росло, спело, и Катя поспешила укрыться в своей комнате.

Стараясь не скрипеть диваном, она села и замерла, готовая просидеть так до ночи – лишь бы Ян не вспомнил о ее существовании. Но не тут-то было. Через пять минут раздался стук в дверь. После чахлого «открыто», дверь рывком распахнулась – и появился Ян. Все стало еще хуже. Он выглядел так, будто ему вкололи адреналин. Глаза бешено горели, а голова, похоже, была полна идей.

– Машина совсем грязная. Надо помыть, – забрасывая в рот орешек, заявил он.

– Съезди на мойку, – сухо предложила Катя.

Ян исчез, словно и в самом деле послушался ее совета. Но вскоре в ванной раздался грохот, полилась вода. И пары минут не прошло, как Ян поставил перед ней ведро, на треть наполненное вспененной жидкостью, в котором островком плавала большая желтая губка.

– Сама помоешь. Отработаешь царапину.

Катя тяжело вздохнула, взяла ведро.

– Куда собралась, – остановил ее Ян.

– Машину мыть, – глядя исподлобья, ответила Катя.

– Машину будешь мыть в бикини.

“Ну, конечно!”

– Я не привезла купальник.

– А я как раз прихватил. Можно сказать, он лежал на видном месте.

– В глубине третьего ящика комода! Ты рылся в моем белье?!

Ян выдержал дипломатическую паузу.

– Переодевайся.

– Не буду! – Катя гневно поставила ведро на пол, вода ударилась о пластмассовые стенки и пролилась на пол.

Ян медленно перевел взгляд с лужи на Катю. И взгляд этот был недобр.

Она опустилась на корточки, выжала губку и стала вытирать лужу.

– Будешь, – не унимался Ян. – Ты поцарапала мне машину.

– Ну, подай на меня в суд! – Катя вскочила. – Так им и скажи: девушка, которая без какого-либо договора платила деньги мне за комнату, поцарапала машину, которую я украл! И если уж на то пошло, я не прочь с первой же зарплаты возместить затраты на ремонт. Но не тебе, а твоему отцу!

Ян прислонился к дверному косяку.

– Ладно, – он опрокинул остатки содержимого шуршащего пакетика себе в рот. – Твоя взяла.

Катя победоносно швырнула губку в ведро и вытерла руки о бедра.

– Хочу, чтобы ты сейчас же помыла мне машину в бикини, – продолжил Ян. – Это мое желание. – И после паузы добавил: – Напоминаю: я должен остаться доволен.

Ян направился в свою комнату. Катя, придя в себя, бросилась следом.

– Ну, Ян! Ну, пожалуйста! Давай, хотя бы без посторонних!

Ян сел в кресло и, заложив ногу за ногу, стал вскрывать следующий пакетик.

– Неа.

– Ну, я прошу тебя! Хочешь, стану на колени?

– Можешь становиться в любую позу – как твоей душе угодно. На мое решение это не повлияет.

– У-мо-ля-ю!

– Кэт, – Ян отложил пакетик на стол. Глубоко вздохнул. – Думаешь, мне легко было бросить курить? Ты хоть представляешь, что значат... значили для меня сигареты? И что чувствует человек, внезапно бросивший курить после десятилетнего марафона? – он снова запустил руку в пакет. – Так что перестань ныть, девочка.

Катя молча переоделась, взяла ведро и вышла на улицу. Женщина, сидящая на скамейке, перестала качать коляску с орущим младенцем. Проходящий подросток отпустил пошлую шутку.

Погода была совсем не «моечная». «Как в мешке», – говорила Катина мама в такие дни. Небо – хмурое, низкое, неподвижное. Накрапывал дождь.

Катя намочила губку и провела по капоту, оставляя мокрую мыльную полосу. Вскоре жидкость в ведре стала такого же цвета, как небо. Вода неприятно стекала по локтям, по икрам – и скапливалась в кроссовках, обутих на босу ногу. Катя снова провела губкой по капоту.

Это надо просто пережить.

Сама же столько раз помогала папе мыть машину. Не в бикини, правда...

– Не хватает драйва, – заявил Ян, выставя на подоконник музыкальный центр.

Пока Катя пыталась осознать, что сейчас произойдет, загромыкала музыка. Название композиции стерлось из памяти, зато вспомнился клип, в котором полуобнаженные женщины делают вид, что выполняют ремонтные работы.

Катя швырнула губку в ведро и подскочила к окну.

– Будет драйв! Обещаю! Не надо сзывать всю улицу! Просто принести мой плейер.

Катя прицепила плейер к плавкам, надела наушники и включила Бритни Спирс «Baby One More Time». Бедра сами стали двигаться в такт музыке, а ступни – отстукивать ритм. Губка веселей заскользила по стеклу.

Ян сидел на подоконнике, жуя орешки. В нескольких соседних окнах торчали головы. Школьники с рюкзаками показывали на нее пальцем.

Ну и пусть!

«Show me...» – она прижала губку к сердцу. – «Tell me, baby...» – затрясла плечами. К припеву Катя скинула кроссовки и распустила волосы. Не обращая внимания на зрителей со смартфонами, она подпевала Бритни Спирс и подтанцовывала, представляя себя звездой клипа.

Песня еще не закончилась, как пришел Ян. Обмотал ее своим полотенцем и разогнал шпану. Катя сняла наушники, из них до сих пор лилась музыка.

– Я не домыла.

– Пойдем домой. Желание выполнено.

– Не досмотришь шоу?

– Орешки закончились.

*

Сидя на кухне, Ян слушал, как льется вода в ванной, и пытался понять, что пошло не так. В какой-то момент, поедая орешки на подоконнике, он понял, что не хочет продолжения этого спектакля.

Ян набрал в чайник воды из-под крана и поставил его на огонь.

Странное ощущение – словно плохое предчувствие. Едва ощутимо ныло в солнечном сплетении. Будто все снова менялось, как в казино два месяца назад. Механизм, который работал долгие годы, совершая изо дня в день одни и те же

действия, вдруг начал двигаться в обратную сторону. Теперь все пойдет по-другому. Опять по-другому.

Ян смотрел на белую стену и, словно на экране, видел, как недавно танцевала Катя. Тонкая шея, очень тонкие запястья. И вся худенькая, но уже не тощая, как после месяца голодовки. Ее движения были в чем-то резки, в чем-то неуклюжи, но иногда... иногда она делала что-то такое... Нагибалась, по-особенному вытягивая спину. Или убирала плечом влажные пряди со щеки. И в этих движениях проскальзывало что-то затаенное, неизведанное – даже ей самой. Грациозность и, чем черт ни шутит, – изысканность. И вот в какой-то момент он осознал, что не собирается больше делиться тем, что видел, с другими. Больше он не хотел, чтобы Кэт снимали на мобильные телефоны и тиражировали в инете – как планировал, загадывая желание.

Завопил чайник. Свисток с металлическим звоном упал на плиту. Ян поднял голову, не сразу осознав, где находится.

*

Катя вышла из душевой сияющая, довольная, все еще мурлыкая под нос ту самую мелодию.

– Меня настораживает такое твое поведение, – сказал Ян, проследовав за ней в спальню.

– Не беспокойся! Тебе ничего не угрожает. Даже наоборот. Я сбилась с пути и загадала два спонтанных желания, руководствуясь исключительно эмоциями. Но больше такого не будет. Я снова становлюсь собой, – она отгородилась от Яна дверью шкафа. На дверь полетело полотенце. – Хочу ремонт в моей комнате, – раздалось из укрытия. – Хочу жить, как Золушка, но не до, а после того, как она вышла замуж за Принца. Хочу удобную кровать, просторный шкаф с зеркалом, пушистый теплый ковер.

– На стену? – ехидно поинтересовался Ян.

– Нет, – не обращая внимания на подколку, ответила Катя. – На пол. А еще окно со стеклопакетом, – она закрыла шкаф и кивнула на потолок. – И красивую люстру, а не этот реквизит к советскому фильму. Это мое желание!

“Эх, маленькая комната, не развернуться...”

– А как насчет седьмого пункта нашего договора? У меня денег осталось немного, ремонт сейчас – это словно квартира на Манхэттене. Знаешь, сколько стоят одни работы?

– Ну, так сделай ремонт своими руками, – Катя вышла в коридор, застегивая новые босоножки. Глянула на себя в зеркало. Джинсы цвета индиго, алая маечка. Нежный румянец. Игривая улыбка. – А теперь мне пора на курсы английского. До вечера!

*

Ян так и стоял у ее двери, хмуро рассматривая комнату Кэт. Потом подошел к дивану, попытался его подвинуть. Тяжелый. Покопался в шкафу в коридоре. Нашел лом и вернулся в спальню Кэт.

*

Катя тоже почувствовала: произошло что-то важное, когда он забрал ее с улицы. Сжалился? В это трудно поверить. Надоело? Уже ближе к правде. Но почему он разогнал зрителей, зачем завернул ее, такую грязную, в свое чистое полотенце? Знать бы еще, что этот порыв хорошо для нее закончится. Ян любил наказывать Катю за ошибки – и ее, и свои.

Мысли мешали сосредоточиться на теме занятия. Проходили хобби. И Катя подумала, что у нее еще не было никакого хобби, а лишь невероятно сильное желание стать самостоятельной, взрослой, независимой.

– What is your hobby, Kate? – спросила молодая преподавательница.

– My hobby is granting wishes , – ответила Катя, в который раз улыбаясь тому, что кто-то произносит ее имя почти так же, как Ян.

После курсов она не сразу поехала домой. Зашла в магазин, где продавались компьютеры. Для дальнейшего продвижения по ухабистой дороге под названием «жизнь в большом городе» компьютер был ей необходим.

От количества техники в магазине голова шла кругом. Мониторы, подмигивая и зазывая картинками, стояли в три этажа, по обе стены длинного помещения. Перед каждым – скромная табличка с нескромной ценой.

Хмурясь, Катя стала грызть ноготь. Потом спохватилась и спрятала руки в карманы.

На какой-нибудь простой компьютер денег у нее, наверное, хватит. Но тогда она снова останется на мели, а этого Катя ни за что не допустит. Она больше не будет краснеть перед незнакомыми людьми за урчание в животе, не будет облизывать губы при виде недоеденного банана в мусорке. Никогда.

Она развернулась и вышла из магазина.

Домой она вернулась затемно. Шла пешком от самого центра, прикидывая в уме, сколько ей надо зарабатывать, сколько откладывать и как долго копить, чтобы приобрести компьютер. Это станет самой дорогой покупкой в ее жизни. Такой дорогой, что это стоило бы отметить. В тот день она могла бы купить вина и угостить Яна. Вот бы он удивился!

Катя словно наяву видела, как входит в дом, запускает руку в рюкзак и вытаскивает оттуда бутылку белого вина с золотистой этикеткой – такую, как Ян покупал в прошлый раз. Уголки его губ едва заметно вздрагивают. Бровь приподнимается. «Что за повод?..»

Улыбаясь самой себе, Катя машинально открыла дверь квартиры, щелкнула выключателем, снова и снова проигрывая в голове сцену. Вошла в свою комнату, включила свет – и застыла.

– Ян! – завопила Катя.

Ее комната осталась такой только по названию. Не было больше мебели – ни шкафа, ни дивана, ни стула. С оголенных стен местами свисали куски обоев.

Она слышала, как Ян остановился у нее за спиной.

– Что. Это, – не оборачиваясь, спросила Катя.

– Ремонт, – прозвучал исчерпывающий ответ. Совершенно серьезным тоном. – А как, по-твоему, он делается?

– Где мои вещи? – как можно спокойнее произнесла Катя.

– На кухне. И я постелил тебе там. На полу.

– Тогда спокойной ночи.

Так и не взглянув на Яна, Катя пошла на кухню. Не раздеваясь, легла на сложенное вдвое одеяло, накрытое простыней. Второй половиной простыни укрылась сама. Луна светило ярко, разделяя кухню пополам. Поблескивали ручки тумбочек – те, что оказались на светлой стороне. На стене мохнатым чудищем застыла тень куста сирени, растущего под окном.

Каждая косточка чувствовала твердость пола.

Хотелось плакать.

Это было глупо: с улыбкой плясать в бикини перед мобильниками подростков – и реветь из-за то, что ее, как нашкодившего ребенка, переложили спать на пол.

“Я сильная и смелая. Я добьюсь всего, чего захочу”.

Катя шмыгнула носом и закуталась в простыню поплотнее.

Итак, чтобы купить компьютер...

Глава 10. Личный процесс

– Не хочешь мне помочь?

Ян стоял в двери кухни, освещенный закатным светом. Щурился. Солнце золотило его ресницы, брови и волосы, заплетенные в короткую косичку. Ее кончик, словно кисточка, мазанул по шее, когда Ян повернул голову, чтобы ногтем соскрести с плеча белое пятнышко то ли засохшего клея, то ли побелки.

Катя сидела, поджав под себя ноги. Она пряталась в тени холодильника и теперь казалась себе зрителем в Амфитеатре. Ян застал ее за повторением английских пословиц.

– A bargain is a bargain , – тщательно артикулируя, произнесла Катя, радуясь, что Ян не видит ее глаз. Оказалось, надо было хорошенько его осветить, чтобы она, наконец, заметила, до чего он...

“...неплох”.

Непонятно, как такой фигурой мог обладать человек, который до недавнего времени курил и не занимался спортом. По крайней мере, Катя никогда этого не видела. У него не было кубиков на животе и бугров бицепсов, но рельеф был заметен, живот подтянут.

– На это я бы ответил: «Don't bite the hand that feeds you». Причем в твоём случае интересно именно буквальное прочтение, – Ян козырьком приложил руку ко лбу. – Так ты идешь?

– Я бы сама себя кормила, но ты не разрешаешь мне готовить на твоей кухне!

– Которая еще долго будет оставаться и твоей спальней, если мы не поклеим обои.

Вздыхнув, Катя закрыла учебник.

Пока ее комната представляла собой жалкое зрелище. Пустой бетонный куб, стены которого Ян недавно покрыл шпаклевкой.

Немного пожурив Катю за идею с ремонтом, Ян подошел к исполнению ее желания с энтузиазмом. Он таскал ее по магазинам, заставляя выбирать обои и мебель. А день назад вывалил прямо на учебник по английскому стопку проспектов, которые собрал на мебельном рынке – чтобы Катя определилась со шкафом. «И ковром», – добавил он, снова возвращая на учебник только что сдвинутую в сторону стопку макулатуры.

Он сам закупал, привозил, переносил. Закрывался в ее комнате – и что-то там творил, слушая сумбурный джаз. И до того момента, как он явился на кухню, чтобы попросить Катю составить ему компанию, все было прекрасно.

Ян раскрутил на полу в спальне длинную полосу обоев и стал водить по ней валиком.

– Ты всегда делаешь ремонт с голым торсом? – между прочим поинтересовалась Катя, макая кисточку в банку с клеем.

– Тебе же приспичил ремонт в августе. Прямое солнце. Окно открывать нельзя, – он сжал губы, явно пряча улыбку. – Тебе тоже не мешало бы раздеться.

– Не дождешься!

Они наклеили последнюю полосу, отошли полюбоваться. Бежевый холст с золотистым принтом лег ровно. Комната стала светлой и красивой, как на картинке в журнале. Катя с легкостью могла представить, как впишется в интерьер кровать с покрывалом в клетку, где будет стоять стол из «Икеи», как будет выглядеть шкаф-купе с зеркалом от пола до потолка.

– Эй! – Катя отпрянула, прикрывая ладонью плечо. – Ты что делаешь?!

Ян, словно фехтовальщик, вычислил незащищенное место и снова мазнул Катю клеем. Теперь липкая жидкость попала на майку в районе живота.

– В твоём «не дождешься» мне почудился вызов, – улыбаясь, он снова сделал выпад, но Катя, взвизгнув, бросилась на кухню. Она с такой силой захлопнула за собой дверь, что стекло, лопнув, рассыпалось по полу.

После немой паузы Ян молча направился в душ. Катя, хмурясь, взяла в руки совок и метелку.

Ян не заставил ее «отрабатывать» разбитое стекло, не язвил, не ругал – просто вошел на кухню через дыру в двери. Налил себе виски, затрещали кубики льда.

Катя сидела к нему вполоборота и шевелила губами, повторяя умножение на восемнадцать, которое ей нужно было выучить для курсов крупье, но «видела» Яна так отчетливо, словно он стоял перед ней. Светло-желтое полотенце повязано вокруг бедер. Из-под полотенца виднеется часть татуировки. Волосы распущены, почти прямыми влажными прядями падают на ключицы. Присел на край стола. Держит

низкий бокал без ножки, наполненный прохладной жидкостью карамельного цвета. Стенки бокала запотели.

Катя тряхнула головой.

Восемнадцать умножить на шестнадцать...

Но куда он смотрит, этот Ян? На лед? В окно? На нее?

Она обернулась. Ян смотрел на нее, и его глаза горели. Впрочем, они горели всегда. То спокойным тихим огнем, то бесовскими искрами. И это был не тот огонь, который дарит тепло другим. Скорее, тот, который сжигает изнутри.

– Симпатичная маечка, – сказал Ян и макнул губы в напиток.

Да, ей пришлось раздеться – чтобы сменить майку. Он победил. И что дальше?

– Пойдешь со мной в клуб? – предложил Ян. – После поклейки обоев этой ночью лучше где-нибудь перекантоваться.

От удивления Катя не сразу нашлась, что ответить. Открыла рот, закрыла. И, наконец, выдохнула:

– Пойду.

Пару раз она была на дискотеках. Забегала с подружками и сбегала одна. Ей не нравилось танцевать под «тыц-тыц»-музыку, не нравилось пить алкоголь, а еще больше – объяснять, почему она не хочет этого делать. И самое главное – ей совершенно не нравилось, как на нее смотрели те немногие парни, чье внимание она привлекала. Проторчав за барной стойкой с бутылкой пива от силы час, она ускользала.

Ее никогда не приглашал в клуб такой мужчина, как Ян.

– Раз мы живем вместе, предупреждаю: могу вернуться домой не один, – спустил он ее с небес на землю.

– В клубе будет твоя подружка? – Кате было бы любопытно посмотреть на его девушку. Какая она? Длинноногая модель типа секретарши из «Сладим» или томная, с хитрецей и изюминкой, вроде проститутки из казино.

– Вряд ли. Мои подружки в такие места не ходят.

“Подружки. Во множественном числе”.

– На посещение тех мест, куда они ходят, у меня не осталось денег. Из-за твоего ремонта, – Ян помахал перед носом Кати пузатой бутылкой. – Будешь? Потому что на выпивке в баре сейчас тоже придется экономить.

Катя замотала головой.

Такси поплутало по окраине заковыристыми улочками и высадило пассажиров возле одноэтажного мрачного здания, похожего на склад. Из-за прикрытой двери вырывалась музыка. Катя охарактеризовала ее как «дикие пляски».

Они отстояли небольшую очередь за билетами. Ян галантно проигнорировал протянутую Катей купюру. Но при этом успел познакомиться с девушками, стоящими в очереди до и после него.

Плохое предчувствие оправдалось: едва они вошли в зал, как Ян заявил:

– Ты – сама по себе. Если что – зови. Но только в крайнем случае.

Ян нырнул в толпу танцующих, а Катя села за маленький грязный столик. Положила на него локти – прилипли. Сложила руки на коленях.

Некоторое время Катя еще следила за Яном. На его голове невесть откуда появился поролоновый прямоугольник. Потом Ян оказался в центре круга танцующих с такими же прямоугольниками. Это были и в самом деле дикие пляски. Словно наступал конец света, и в этих безумных танцах воплотились все не пережитые эмоции.

Ян танцевал красиво. Дикость была ему свойственна. И эта естественность притягивала не только Катю. Девушка в коротком красном платье, с белыми волосами до бедер, уже танцевала в его ритме, уже касалась его ладонями. Теперь Кате стало понятно, откуда у Яна такая фигура. Наверняка, он много танцевал.

“А еще, наверняка, много...”

Катя тряхнула головой. Это было не ее дело. Совершенно не ее.

А потом Яна поглотила толпа.

Когда к Кате подсел долговязый подросток с бегающими глазами, она согласилась выпить. Попросила мартини. Он принес две рюмки водки и стакан колы. Выпила. Суматошно запила.

Больше она не слушала подростка – да и музыки не слышала, только ритм, которым мелодия отбивалась в теле. Подросток повертелся рядом – и ушел.

Катя забилась в угол так, чтобы пятна светомузыки прыгали только по ее коленям, и, казалось, задремала. Пришла в себя, когда услышала смех Яна. Голова была ватной, картинка нечеткой. То ли от дыма, то ли от водки.

Ян шел, придерживая девушку в красном, которая едва двигалась. Он что-то нашептывал ей, она мотала головой. Или голова сама моталась во время движения. Девушка была пьяна.

Катя сползла со стула и поплелась следом. В коридоре она застала картину, которая мгновенно ее отрезвила. Ян всем телом прижимал лицом к стене пьяную блондинку и шарил по ее телу руками. Катя еще не успела до конца осознать, насколько гадкой была эта сцена, как Ян, обыскав девушку, достал из бокового кармашка ее платья жетон. Улыбаясь находке, отступил на полшага – и едва успел подхватить блондинку, которая, потеряв опору, стала сползать на пол.

– Я вызвала две машины! – перекрикивая музыку, сообщила подошедшая к нему смуглянка, тонкая, как Катя. Короткие завитые волосы открывали красивую длинную шею. Девушка выглядела не так эффектно, как блондинка, но тоже привлекала внимание. У нее была особая, не растиражированная, улыбка и раскосые, азиатские глаза.

– А я нашел жетон! – ответил Ян и улыбнулся ей так искренне, что Кате стало тоскливо.

Ян с подругой натянули на блондинку плащ и под руки повели на улицу. Катя, поеживаясь от ночного холода, шла

следом. Ждали такси под козырьком здания. Вокруг – чернота.

Подъехали машины. В первую загрузили блондинку. Ее подружка сообщила водителю адрес, но сама в том такси не уехала, а пошла к следующему, дверь которого распахнул Ян. Он отыскал глазами Катю.

– Едешь?

Нет. Ей не хотелось ехать с этой парочкой. И да. Тратить деньги на персональное такси было бы слишком.

Катя села рядом с водителем и всю дорогу, упорно глядя в окно, пыталась не обращать внимания на копошение позади себя, мурлыкающий голос Яна и женский смех.

Парочка ввалилась в квартиру и, разбрасывая на ходу обувь, закатилась в спальню. Захлопнулась дверь. Зазвучала музыка – с перекатами, переливами, совсем не похожая на джаз.

Почистив зубы, Катя в ночнушке, на цыпочках, прокралась на кухню. Легла, натянув на голову простыню. Но дверь без стекла пропускала и музыку, и стоны, и смех. И даже паузы были неприятны, тоже чем-то наполнены.

Катя поворочалась немного, потом надела наушники и включила Dido. Так и заснула – в наушниках. Даже не заметила, когда перестала играть музыка – в плеере села батарейка.

Она проснулась от ощущения, что на кухне находится кто-то еще. Через дыру в кухонной двери просунулся Ян. В парусиновых штанах, как обычно, без майки.

– Не спится, – ответил он на немой вопрос.

Стал возле тумбочки, потом подошел к подоконнику. Словно не мог найти себе места.

– Если хочешь, садись рядом, – предложила Катя.

Ян сел. Коснулся затылком стены.

– Курить хочу. До какой-то невероятной степени. Похоже, я крепко подсел на это. Даже не думал, что так сильно.

Молчание.

– Мне жаль, – прозвучал в темноте голос Кати.

Ей и в самом деле было жаль.

Ян «чиркнул» большим пальцем об указательный, словно зажигалкой. Поднес к губам невидимую сигарету. «Закурил».

– Но запах был жуткий, – продолжила Катя. – Так лучше. То есть ты и сейчас пахнешь неважно: после клуба, плюс виски, плюс... – это уже она не смогла произнести вслух.

– Плюс что? – Ян не сразу понял. Потом понял – улыбнулся. Пустил к потолку струйку невидимого дыма.

– Чтобы услышать такое от меня, тебе придется потратить на это свое желание.

– Мне лучше пересесть?

– Нет уж, оставайся. Кури. Не хочу шевелиться, чтоб пропускать тебя.

Снова долгое молчание.

– Ты и на самом деле не знал ее? До сегодняшней ночи?

– Эту брюнетку?..

“Он даже не помнит ее имени...”

– ...Нет, не знал.

Катя покачала головой.

– Не понимаю. Это же такой... личный процесс. Это же должно быть, как минимум, доверие. Как можно вот так... с первым встречным...

Ян прижал пальцы к губам, сделал «затяжку». Некоторое время рассматривал тени, ползающие по потолку.

– Когда-нибудь ты поймешь.

– Не думаю.

У Кати в глубине живота что-то заволновалось от этого разговора. словно они были в сговоре, тайном и опасном. В сговоре против той неизвестной девушки.

– Поймешь. Надеюсь только, это произойдет как можно позже.

Ян затушил «сигарету» о ножку стола. Поцеловал Катю в макушку. И ушел.

Глава 11. Ромашки

Они зашли в гостиницу с тремя звездами на фасаде и заняли столик у бара. Парочка пожилых бизнесменов обедала в другом конце зала, барменша протирала бокалы, охранник ворковал с девушкой на ресепшине. Вокруг густо зеленели растения. Журчал фонтан.

Ян заказал две чашки кофе без сахара. Катя молча пережила провокацию. Сейчас было не время бороться за свои права: Ян собирался озвучить свое следующее желание.

В послеобеденное время бар, залитый светом, был похож на детское кафе, так что Катя отлично вписалась туда – без косметики, в потертых джинсах. Официантка принесла чашки на блюдцах. Отошла за стойку и оттуда бесцеремонно таранилась на гостей – пока Ян не встретился с ней взглядом.

Они молча пили кофе маленькими глотками. Ян тянул время. Атмосфера накалялась. Фонтан, казалось, журчал все громче.

– Хочу, чтобы ты подарила мне ромашки. Не выходя из этого кафе, – наконец, произнес Ян. – Это мое желание.

Подозрительно простое.

Катя оглянулась.

– Цветы здесь не продают.

– Так укради.

Значит, Ян хотел, чтобы она сорвала ромашки на виду у охраны. За это могли вышвырнуть из кафе. Или оштрафовать.

Неприятно.

Но не смертельно.

Катя обвела взглядом кадки и вазы. Где-то эти цветы точно росли. Желания должны быть выполнимые. Пункт седьмой.

– Значит, ромашки... – повторила Катя – и только сейчас осознала, на что смотрели ее глаза уже четверть часа: на ромашки. Ромашки на чашке с кофе, которую она ворочала туда-сюда, вымазывая бока в кофейной жиже. Чашка была старая, советская: золотой ободок по краю, ребристые бока, а на белом фоне – мазки голубоватых лепестков вокруг желтой сердцевины.

У Кати кровь запульсировала в висках, когда она поняла, что ей надо сделать. Украсть.

– Живых ромашек я здесь не найду, верно? – спросила Катя, поднимая голову.

– Верно, – ответил Ян, и улыбка у него была гадкая.

Катя никогда ничего не крада.

– Я подожду тебя у входа, – Ян оставил под блюдцем пару купюр и вышел из-за стола. – Угощаю.

Катя проследила, как он, посвистывая, направился к двери.

Украсть.

Катя выдохнула.

Чем дольше она здесь сидела – тем больше внимания привлекала. Действовать надо было решительно, прямо сейчас – пока любопытная официантка отвлеклась на пожилых бизнесменов.

Украсть.

Катя украдкой посмотрела по сторонам. Сердце стучало гулко и громко. Над верхней губой выступили капельки пота.

Украсть.

Оглянулась. Никто не обращал на нее внимания.

Катя вытерла салфеткой остатки гуши с донца, подождала немного (заметила, что совершает действия через одинаковые промежутки времени, словно играет партию на музыкальном инструменте), потом смахнула кружку в сумку,

встала – все та же мелодия – и направилась к выходу. Она уже миновала последний столик, когда за спиной раздался мужской оклик.

Катя обернулась и не сразу увидела, кто кричал: кровь словно хлынула в глаза, ничего не рассмотреть, одни цветные пятна. Потом пятна исчезли, и перед ней возник администратор: долговязый мужчина с хмурым безжалостным лицом.

“Поругаться... пригрозить... не дать проверить сумку...

Или сбежать!”

Катя замерла, пытаясь хаотично придумать план действий. Конечно, ей стоило бы подумать об этом заранее...

– Да, вы! Покажите сумку!

В панике Катя попятилась. Похоже, очень быстро, потому что задела кого-то плечом с такой силой, что едва не упала. Этот кто-то поддержал ее за локоть. Она даже не успела оглянуться, как администратор нагнал ее и выхватил сумку.

Кровь прилила к щекам. Сильно, густо. Кожа от этого стала пощипывать.

И что теперь будет?

Вызовут милицию.

Воровка...

Рисовано улыбаясь, администратор, ощупывал сумку. Улыбка сползала с его лица по мере того, как он продвигался от одного отделения к другому. После минуты обыска им обоим стало очевидно: чашки в сумке нет. Это было странно настолько, что Катя едва справилась с желанием проверить лично.

Сухо предложив угоститься за счет бара – в качестве моральной компенсации, администратор удалился. Катя оглянулась в поисках Яна. Он стоял у самого входа, за стеклянными дверями, – чтобы скрыться, достаточно сделать шаг в сторону – и постукивая пальцами по выпирающему карману ветровки.

Катя подошла к нему на ватных ногах.

– Желание выполнено? – спросила она, заплетаясь в словах.

– Да, моя милая Кэт. Ты справилась.

Катя коснулась разгоряченных щек ладонями.

– Я бы не отказалась от моральной компенсации, которую мне обещали.

Ян взял ее за руку и повел к барной стойке.

– Два темных пива за счет заведения, – сказал Ян, когда они сели на высокие стулья.

Перед ними поставили длинные бокалы с шапками пены. Ян снял ветровку – и в тот момент, когда его карман коснулся спинки стула, отчетливо, словно все остальные звуки предусмотрительно замерли, раздался звонкий удар стекла о металл.

Администратор, повернул голову в их сторону, все еще что-то выговаривая официантке.

– Кэт, детка... – Ян сжал запястье Катиной руки с поднятым бокалом – до ее вытянутых в трубочку губ оставалась пара сантиметров. – Как быстро ты бегаешь?

Катя посмотрела в его глаза – Ян едва заметно кивнул в сторону администратора, который уже сделал шаг по направлению к ним.

– Второе место на школьных соревнованиях, – с улыбкой ответила она.

– Надеюсь, ты не шутишь...

Придерживая за локоть, Ян помог Кате слезть со стула. Они направились к двери.

– Эй, парочка! А ну-ка... – раздался голос администратора, но окончание фразы Катя не расслышала. Ян склонился к ее уху и отчетливо прошептал: «Беги!».

Они ринулись к выходу, а на улице едва не разбежались в разные стороны. Ян схватил Катю за руку и потянул в

подворотню. Они пронеслись через арку и сразу на выходе сбежали по лестнице, ведущей к подвалу. Ян дернул за ручку, дверь оказалась заперта. Тогда он прислонился к противоположной стене – прямо влип в нее – и прижал Катю к себе. Она слышала, как сверху, осыпая песок им на головы, пробежала одна пара ног, а затем – уже более тяжелая – другая. Похоже, к администратору присоединился охранник.

Где-то проносились машины, каркали вороны, но здесь, в бетонном кармане, было очень тихо.

– Ушли! – раздался раздосадованный голос администратора.

– Ну и черт с ними, – ответил запыхавшийся охранник. – Пойдем.

– У-у-ух!

Сейчас, наверное, администратор грозил кулаком в том направлении, в котором, по их мнению, исчезли воришки.

Шаги становились все громче – Катя сильнее жалась к Яну. Она уткнулась носом в ямочку у его ключицы. После бега дыхание было таким громким, что, казалось, его могут услышать. Ян одной рукой обхватил Катю за плечи, второй – прижал к себе ее голову. Шаги, уже неспешные, прозвучали совсем близко. Катя зажмурилась. Но ничего не случилось – преследователи не остановились покурить, даже не замедлили шаг. Просто прошли мимо.

Некоторое время они все еще стояли неподвижно. Потом Ян медленно разомкнул объятия. Его тепло ускользало, исчезал его запах – и словно рушилась невидимая защита.

Они все еще касались друг друга. И самым чувствительным было прикосновение пальцев опущенных рук. Потому что прервать его могло любое малейшее движение, глубокий вдох.

Катя убрала руки, резко, словно обожглась. Сердце колотилось так, будто она снова от кого-то убегала.

Может, так оно и было?..

*

Здесь, у двери в подвал, Ян машинально притянул Кэт к себе. Ее красная маечка была слишком приметной для двух быков, которые неслись за ними. Он осознал, что испытывает, только, когда преследователи стали возвращаться. Обнимать Кэт было очень... удобно. На вид такая костлявая, она словно заполнила собой все его выемки, обтекла выступы – и стала с ним единым целым. Вдобавок, она еще уткнулась носом в выемку возле ключицы, горячее дыхание обожгло кожу. Последний штрих.

Ей было страшно. Ян чувствовал, как ладони Кэт сжимают ветровку у него на груди. Повинуясь порыву, он уткнулся лицом в ее волосы. Они пахли ромашками. Оказалось, чтобы подарить ромашки, Кэт было вовсе необязательно красть кружку.

Пока он думал о ромашках, похоже, преследователи исчезли – он даже не заметил когда. Осторожно опустил руки – отпустил ее. И так получилось, что их пальцы при этом соприкоснулись. Он ждал, что Кэт тотчас же уберет руки. И она, действительно, сделала это. Резко. Но не сразу. Из-за чего возникла эта пауза? Страх быть пойманной все еще руководил ее действиями, сковывал движения? Или с Кэт происходило что-то, о чем он раньше не догадывался? Ян решил проверить гипотезу.

– У тебя молния отпечаталась на щеке, – он коснулся пальцами розовой полоски.

Кэт сразу опустила его ладонь. Но не сразу выпустила из своей. Ян так и не понял: эти действия подтверждали его гипотезу или опровергали.

Кэт запрокинула голову и сделала глубокий вдох, словно рядом с ним ей не хватало воздуха. Он тоже поднял голову. Над ними громадиной нависала пожарная лестница, тянулась ввысь кирпичная стена старого дома. И все это – на фоне синего, в ватных клочках облаков, неба.

Ян опустил голову. И за те доли секунды, пока Кэт не сделала то же самое, подумал: а если прямо сейчас... Но Кэт опустила голову и он отвернулся, чтобы взглядом не выдать свои мысли.

Домой Ян шел первым. Изредка оборачивался и видел девочку в старых затасканных джинсах с «бахромой», в простенькой растянутой майке, с «гулькой», оголяющей торчащие уши – и не понимал, как в нем возникли мысли о поцелуе. В который раз убедился: чтобы что-то рассмотреть, нужно отойти подальше.

Но ее лицо, тревожное и спокойное, беспомощное и гордое одновременно, и губы, словно приоткрытые для поцелуя, не выходили у него из головы всю дорогу.

Дома Ян завалился на кровать, включил Чарли Паркера – и наваждение исчезло.

Глава 12. Красотка

Катя уже полчаса сидела в позе лотоса на новой кровати, застеленной новым клетчатым пледом, и смотрелась в зеркало нового шкафа-купе. В комнате все еще вкусно пахло ремонтом, хотя обои были поклеены неделю назад.

Прежним осталось лишь отражение: девушка, на вид лет семнадцать-восемнадцать. Волосы гладко убраны в пучок. Розовая майка пожелтела под мышками. Пятно от кетчупа, может, и было заметно только ей, но все же... И это одна из ее лучших вещей.

Катя тряхнула головой, возвращаясь к своему желанию. Итак, компьютер. Она загадает Яну подарить ей компьютер. Конечно, его денежные запасы подошли к концу – он немедленно об этом заявит. Она же ответит, что деньги зарабатывают не только в казино. Пусть куда-нибудь устроится – да хоть грузчиком. Так она и компьютер получит, и отомстит за... долго перечислять. За все.

Новый компьютер в новой комнате. С понедельника – меньше, чем через неделю – новая работа. Она была так близка к своей мечте! Уже подошла вплотную, могла рассмотреть в деталях, только потрогать еще не могла.

Наступил полдень, а Катя, грызя ноготь, все ждала, пока проснется Ян, чтобы озвучить свое желание. Не выдержала. Вскочила с кровати – и рванула из комнаты.

Ян спал, отвернувшись к стене. Простыня, которой накрывался Ян, по-картинному сползала с бедра как раз в том месте, где следовало. Волосы – рыжие, как ириски – разметались по подушке. Он казался таким большим, занимал почти всю кровать – и в то же время таким беззащитным...

Катя раздвинула шторы, впуская в комнату потоки алычового света, в котором плавали пылинки. Распахнула окно.

Ян недовольно застонал, но не шевельнулся.

– Вставай, соня! Пришло мое время загадывать желание!

– Дай угадаю... – хрипло отозвался Ян. – Тебе нужен компьютер.

Он не видел, как потухла Катя.

Возможно, когда-то она проболталась об этом? Ей не хотелось думать, что она до такой степени предсказуемая. Простая. Даже примитивная. Настолько, что ее вот так запросто мог разгадать человек, которой, в сущности, ничего о ней не знал.

– Давай, заставь меня найти деньги на твой компьютер, – Ян, все еще не двигаясь, прочистил горло. – Я это сделаю, ты знаешь. Найду способ. А потом в отместку загадаю тебе побриться налысо.

– Не-ет, – ответила Катя, лихорадочно прокручивая в голове другие варианты. Но все время возвращалась к компьютеру. Она так его хотела! – Компьютер я и сама могу купить.

И вдруг эта идея. Такая очевидная.

– Научи меня быть красивой. Хочу нравиться мужчинам.

Ян, наконец, обернулся. Медленно: сначала плечи, потом голова. На его щеке розовой абстракцией красовался след от подушки. Волосы липли ко лбу. Он все еще сонно моргал, но взгляд у него был заинтригованный.

– Не могу отвечать за всех мужчин, – лениво произнес он и оперся о локоть. – Но могу сделать так, чтобы нравилось мне.

Некоторое время они молча испытывали друг друга взглядами.

– Хорошо. Сделай так, чтобы я понравилась тебе.

Опираясь о спинку стула, Ян так долго смотрел в зеркало на Катю, что у нее затекла спина. Катя заерзала. Ян остановил ее, легонько надавив ладонями на плечи. Она сидела перед ним, напротив зеркала в своей комнате, как клиентка парикмахерского салона, и пыталась угадать мысли Яна.

– Не вижу, – заключил он.

– Ты не видишь меня красивой?!

– Тут не обойтись косметическим ремонтом. Нужно убирать тебя и усаживать перед зеркалом другую девушку.

– Ян! – Катя вскочила со стула.

– Пошутил я, садись, – Ян похлопал по спинке стула. Катя не шевельнулась. – Дело в том, моя милая Кэт, что красота для меня заключается не только в прическе или маникюре...

Катя как можно незаметнее сжала кулаки, чтобы спрятать пальцы с обкусанными ногтями.

– ...Красота также идет изнутри. Например, ее источает самоуверенность – в хорошем смысле этого слова. Женщина, которая любит себя и верит в себя – всегда красива.

– Если бы слово «самоуверенность» относилось ко мне, я бы не загадала такое желание, – сухо ответила Катя и вернулась в кресло.

– Согласен. Но тебе есть за что себя любить, – поведал Ян ее отражению. – Ты целеустремленная. Сильная. Смелая.

Катя улыбнулась – последние слова она и сама не раз себе повторяла. Только, скорее, для успокоения, чем констатируя факт.

– Еще у тебя хорошее чувство юмора. Еще ты чистая... в помыслах... Не знаю, как это толком назвать. Ты словно не из этого времени. В тебе сильно понимание долга, честность. Ты искренняя. И твоя наивность – она тоже красива. Очень. Даже притягательна. Еще у тебя стальной характер. Ты можешь

оказаться на самом дне своего моря, но толща воды тебя не раздавит. Ты готова идти дальше – даже по дну.

Катя смотрела в зеркало, но вместо отражения видела себя со стороны, бредущую, преодолевая течение, по песку, а над головой – десятки метров воды, там плавают стайки рыбок. И светит маленькое тусклое солнце.

– И при всем при этом ты не любишь себя. Это странно.

Катя взглянула на отражение Яна. У него был такой взгляд, что показалось, будто ее желание выполнено. Но это ощущение быстро пропало.

– И еще. Ты бы мне нравилась более... податливой. К тебе неприятно прикасаться – словно к кактусу. Я не говорю, что ты должна позволять мне распускать руки, – даже наоборот. Но я не хочу все время бояться, что даже при спонтанном прикосновении ты завопишь или чем-нибудь в меня запустишь.

Катя не была уверена, что при спонтанном прикосновении она бы именно так и поступила. Может быть, раньше, в первый месяц их знакомства. Но сейчас... Если бы она сидела на своей кровати, поджав под себя ноги, и, например, повторяла расклад карт для Блэк Джека. Вечер. Слегка колышется штора. Ян тихо входит в комнату. Опускается рядом, чуть позади. Отводит волосы ей за плечи... Теплые руки. Нежное прикосновение длится чуть дольше, чем дружеский жест. Его дыхание такое горячее, что по позвоночнику разбегаются мурашки. Чтобы она сделала?.. Наверное, замерла. Подождала бы, чем закончится прикосновение. А вот тогда бы уже чем-нибудь запустила.

Она улыбнулась.

– Ты слишком робкая, – увлеченно продолжал Ян. – Чересчур. Меня не привлекает вульгарность, но с женщиной неинтересно разговаривать, когда не видишь ее глаза – потому что она все время смотрит в пол.

– Итак, любить себя, потому что я – замечательная, ведь даже сам Ян так считает, – Катя принялась загибать пальцы. – Стать более раскрепощенной, смотреть в глаза. Это все?

– Что касается твоего внутреннего мира, то, пожалуй, все. Теперь внешность. Я не-на-ви-жу твой пучок на затылке.

– Снова шутишь?

– Нет, Кэт! – Ян и в самом деле был серьезен. – Он ужасен! Он – как транспарант... – Ян раздвинул руки, вероятно, тот самый транспарант изображая, – ...на котором написано: «Я бедная овечка. Деревенщина. Синий чулок. Старая дева. И лесбиянка. Не подходите, могу укусить».

– Слушай, Ян, а можно потом я сделаю из тебя парня, который бы мне нравился? –поинтересовалась Катя.

– Нет, – отрезал Ян и тут же продолжил. – У тебя красивые... могут быть красивыми волосы. Но их нужно мыть. Хотя бы через день. Это очень важно, Кэт. И они должны быть распущены. Они же у тебя вьются, когда чистые. Их так и хочется потрогать. Можешь еще закалывать их, как делала, когда ходила в казино. Тоже неплохо. Но пучок... За это мне бы следовало взимать с тебя дополнительную арендную плату.

– Проехали пучок. Дальше.

– Кожа. Гладкая, – Ян провел ладонью по плечу: как врач на осмотре пациента – ничего личного. – Нежная. Наверняка, когда ты загорала у себя в Бешенковичах, то загар был отменный. Но без загара это грустное зрелище. У тебя же не белая кожа, а какая-то... серая, тебе загар необходим. Ну, чтобы мне нравиться.

– Дальше.

– Лицо. У тебя правильные черты лица. Привлекательные – я бы даже сказал. Но это заметно, если тщательно приглядеться. А у меня нет привычки стоять над женщиной с лупой. Хочу смотреть на тебя – и видеть, какие у тебя густые ресницы. Красивый миндалевидный разрез глаз. Губы тонкие, но это нестрашно. Страшно, что блеклые. Яркая помада тебе не подойдет, но что-то натурального оттенка – так, немного клубники, было бы в самый раз.

Ян разошелся. Он стоял перед зеркалом, словно воодушевленный художник с палитрой в одной руке и

кисточкой в другой, и рисовал свой идеальный портрет.

– Тушь. Карандаш для глаз. Бальзам для губ. Заметано, – Катя все тускнела и тускнела.

– Ну, и одежда. Во-первых, нужно еще немного поправиться – на тебе вся одежда либо висит, как мешок, либо обтягивает, делая еще более щуплой. Мне не нравятся недоедающие девушки.

– Может, наконец, начнешь выбирать выражения? – строго произнесла Катя.

– О, я выбираю, поверь мне! – улыбнулся он зеркалу. – О чем это я... Пухлые, кстати, тоже не в моем вкусе. Так вот, когда поправишься, тебе следует обновить свой гардероб. Джинсы должны едва касаться земли, а не волочиться по ней. Кофта, на которой появляются катышки, либо очищается от них с помощью специальной машинки, либо отправляется в мусорку. Майка, от которой не отстирываются пятна, – в мусорку. Желтый, бледно-розовый – вообще любой бледный цвет тебе не идет. Платья, к слову, тоже элемент гардероба. Мне нравятся платья. Даже невысокий каблук – красиво. Это вкратце. Эй, Кэт...

Она молча встала и открыла свой шкаф. Потом закрыла.

Впервые за долгое время Кате снова показалось, что в этом городе ей места нет.

Глава 13. Голый ужин

– Хочу голый ужин.

– Чего?!

Ян лежал на кровати Кэт, подперев голову рукой, и уже с полчаса наблюдал, как его квартирантка зубрила покерные таблицы чисел, не обращая на него никакого внимания. Удивительное свойство – отключаться от внешних раздражителей, когда это необходимо. Прикрыв глаза, Кэт шевелила губами, называя числа, потом сверялась с таблицами и хмурила брови. Или улыбалась и победоносно сжимала ладонь в кулак. Она машинально закладывала за ухо упавшую прядь, грызла кончик карандаша, удивленно распахивала глаза. Что ж там могло быть такого

удивительного, в этих цифрах, которые она видела перед глазами каждый вечер?

За пару дней, которые прошли после выполнения ее последнего желания, Кэт сделала над собой некоторые усилия. Например, вместо пучка стала завязывать волосы в хвост. Уже что-то. Уступка наполовину. Видимо, старалась не показывать, что хочет ему понравиться. Но она хотела. Иначе, зачем было красить губы клубничным блеском, находясь дома? К слову, с клубникой он угадал.

Еще Кэт стала чаще смотреть ему в глаза. Ян знал: ей было неловко, но она принуждала себя делать это снова и снова, с каждым разом удерживая взгляд все дольше. Ее внутренняя борьба будоражила.

Вот опять Кэт коснулась карандашом покрашенных по его совету губ. А затем нахлынула череда образов – и Ян не стал от них отмахиваться. Так появилось желание сравнить воображаемое с оригиналом.

– Хочу, чтобы сегодня вечером ты поужинала со мной. Обнаженной. Это мое желание.

Кэт отняла карандаш от губ и посмотрела на Яна... с сочувствием? Неожиданная реакция.

– Какой же ты все-таки мужик.

– Мужчина, – поправил ее Ян с лицом, как у сытого кота.

Кэт стала загибать пальцы.

– Что ты считаешь?

– Еще четыре желания – и я свободна. И никогда, никогда больше я не выполню ни одного твоего желания. А теперь – вон из моей комнаты, мне еще учиться. Так и думала, что не стоило тебя впускать.

*

Катя закрыла за Яном дверь и прислонилась к ней спиной. Щеки стремительно наливались румянцем.

Какой голый ужин?..

Как?..

Она попыталась представить, как это будет выглядеть, но остановилась на том моменте, где голышом собирается открыть дверь кухни.

Да такие желания загадывают в борделях!

Катя вытряхнула кошелек на кровать и пересчитала деньги. Если найти дешевую гостиницу, а потом, как можно скорее, дешевую квартиру, получится протянуть до зарплаты.

Наверное.

Раздался стук в дверь. Катя вздрогнула.

– Занято! – она тряхнула головой. – То есть – не входить!

Дверь была не заперта. Катя видела, как опустилась ручка – и внутренне сжалась, но дверь так и не открылась.

– Надо поговорить, – раздался голос Яна.

– Говори оттуда.

– Я просто хотел пояснить, что мое желание предполагает именно то, что я сказал, – и ничего больше. Я даже не коснусь тебя. По крайней мере, если ты сама этого не захочешь.

Катя прижала к животу подушку и уткнулась в нее лицом.

Нет, в глубине души она, наверное, все же немного шлюха. Потому что от того, как сейчас говорил Ян, от тона его голоса, все внутри переворачивалось.

Катя подняла голову.

– Речь, достойная джентльмена. А теперь отвали. Я учусь.

Но в этот день больше ни одно число не задержалось в ее голове.

*

Клубника со сливками? Мидии? Но Ян не хотел быть пошлым. Он собирался приготовить что-нибудь простое: то, что удобно брать руками и есть, без намеков. Ужинать и разговаривать. Потому что если у Кэт случится короткое замыкание, если она уйдет в себя, то желание будет испорчено. Весь вечер будет испорчен – а может стать чем-то весьма интересным.

Ян катил тележку от одного прилавка к другому, оценивая продукты на пригодность к предстоящему ужину. Бананы – нет. Мороженное – не то. Было бы красиво, чтобы пальцы оставались чистыми. Подошли бы блюда, которые удобно кушать с помощью шпажек. Или палочек. Суши. Нет, не суши. Сто к одному, что Кэт не умеет пользоваться палочками. Тогда эротика превратится в комедию. Так что – шпажки. Оливки, маслины... Он складывал баночки в тележку. Хм... Королевские креветки. Он сам сделает соус. Понадобятся шпинат и лимон. Никакого чеснока. Мало ли что... «Шампанское». Нет, «Асти». Только так. Две – а, к черту... – три бутылки. И не забыть сразу поставить в холодильник.

Ян занял очередь у кассы. Подумал. Вернулся – и все-таки положил в тележку корзинку с клубникой.

*

Катя раздевалась, не включая света, но видела свое отражение в зеркале, освещенном луной. Белая кожа. Все тоненькое. Аккуратное.

Небольшая грудь. Наверное, мужчинам нравятся попышнее. Если бы она была мужчиной и видела такое... Нет, не представить. А самой ей нравилось.

Катя стянула резинку – волосы рассыпались по плечам. Отвела прядь за ухо, подняла локоны, убрала руку. Нет, пусть будут распущенные.

Все-таки обнаженной она красивее. Без одежды, которая сидит кое-как. Только как двигаться? Как чувствовать себя раскованно? Это вообще возможно в таком виде?!

Катя знала, что нужно идти. Уже четверть часа как. Еще немного – и Ян придет за ней сам. Это все только испортит. Она набрала в легкие воздух, медленно выцедила его и вышла в коридор.

*

Ян задернул шторы и проверил бутылку «Асти» в кастрюльке со льдом. Бутылка запотела и жаждала того, чтобы ее открыли. Соус остывал.

Было уже четверть восьмого, а Кэт все не шла. Он видел, как полчаса назад потух на газоне оранжевый прямоугольник ее окна – Кэт выключила свет. Но не спать же она легла. Ян очень надеялся, что – нет. Иначе за одной ниточкой потянется другая. Неудавшийся вечер означал невыполненное желание. Невыполненное желание – конец игры. Следом – выселение Кэт. А Ян пока не хотел, чтобы она уходила.

Нет, она не легла спать. Это же Кэт. Она выполнит желание. Девочка просто боится. Ян зажег свечи, выключил свет. Так ей будет комфортнее.

И вот дверь открылась, очень медленно, и в темном дверном проеме появилась Кэт. Голова опущена – Ян мог рассматривать квартирантку, не боясь вогнать ее в еще большее смятение. И ему нравилось то, что он видел.

У нее и в самом деле была красивая фигура. Небольшая аккуратная грудь, сочные ореолы сосков. Тонкая талия. Заметные бедра, пушок у их основания. Скорее, девушка, чем женщина. Не худая, а стройная и хрупкая. От волнения у него заныло под ложечкой, как у школьника.

Кэт подняла голову – и Ян тотчас же перевел взгляд ей в глаза.

– Добро пожаловать, мадемуазель, – он задвинул стул, расстраиваясь, что половина ее тела теперь будет скрыта столом.

– Хотите освежиться? – он приподнял бутылку.

Кэт вымученно улыбнулась.

Ян ругал себя за манерность, но не мог остановиться. Он осознал, что сам чувствует неловкость, видя ее такой... беззащитной. И «Асти», которое казалось ему идеально подходящим этому вечеру, не являлось таковым, если Кэт его не хотела. А как понять, хочет ли, если весь ужин для нее – принуждение, выполнение его желания.

Ян одним махом осушил бокал и налил еще.

Откуда такие мысли? Что за трещина в нем образовалась?

– О, леди, вы научились пользоваться салфетками!

Кэт сложила салфетку пополам. Еще раз. И еще. Засунула бумажный квадратик под край тарелки.

– Я наблюдательная, помнишь? Иначе бы меня не взяли в крупье.

По крайней мере, она разговаривала.

Все шло по плану. Вкусная, хоть и подостывшая еда. Прохладное вино. Кэт, изнывающая от робости. Она отвела прядь волос за ухо – и Ян заметил капельку-сережку, в которой отразилось пламя свечи. Кэт надела сережки для этого ужина. Это было хорошим знаком.

– Очень вкусно, – вежливо сказала Кэт, прожевав, наконец, креветку. На это у нее ушло не меньше пяти минут.

– Пей, – Ян кивнул на бокал.

Она послушно поднесла бокал к губам, ее соски чуть приподнялись, и Ян удивленно уставился на свои пальцы, сжимающие только что поломанную зубочистку.

Ему – двадцать восемь, а он ведет себя, как подросток, впервые увидевший обнаженную женщину.

Просто этой женщиной была Кэт, а с ней приходилось держать ухо востро – чтобы не напугать. И не потерять. С ней приходилось укрощать себя.

– Пей, – снова скомандовал Ян.

Кэт сделала короткий глоток, потом схватила шпажку и насадила на нее оливку.

“Молодец, поняла, что лучше есть, чем пить”.

– Расскажи о своих мечтах. Чего бы ты хотела? – спросил Ян, чтобы отвлечь то ли Кэт, то ли себя самого.

– Я хочу, наконец, начать работать. Купить компьютер. Выучить иностранный язык, – с готовностью ответила Кэт. – Хочу зарабатывать много денег, чтобы и себе хватало, и родителям помогать. Потом, когда-нибудь, хотела бы квартиру. Ну, это вообще далекая мечта.

*

– Нет, Кэт. Я не о том спрашиваю. Закрой глаза и подумай, чего ты хочешь на самом деле. Без прицела на светлое будущее. Без обязательств перед кем-либо. Чего ты хочешь только для себя. О чем ты мечтаешь?

Катя послушно закрыла глаза и вдруг отчетливо поняла, что хочет встретиться с Яном губами. Ей стало жарко.

– Увидеть море... Поужинать в дорогом ресторане... – начала быстро перечислять Катя. – Пройтись по магазинам, не думая о ценниках. И чтобы продавцы мне искренне улыбались, а не принимали меня за девушку, которая зашла «просто посмотреть»... – не выдержав, Катя открыла глаза.

– А чего... хочешь ты? – сбиваясь, спросила она.

Ян ответил не сразу. Облизнул губы. Его прозрачные глаза метались по ее лицу, потом застыли на ее зрачках.

– У меня все сложнее, Кэт. Я жутко хочу курить.

*

Оставаться джентльменом или к черту условности? По сути, его сдерживало одно: они не смогут просто разойтись по домам, если что-то пойдет не так. Им предстоит каждый день еще, возможно, очень долгое время просыпаться в соседних комнатах. В его квартире. Нужно ли ему это? Но, глядя на ее блестящие, вдруг потемневшие глаза, взгляд которых сейчас ей особенно сложно было удержать на его лице, Ян понимал, что готов рискнуть.

Не отпуская ее взгляда, Ян отодвинул стул. Катя медленно убрала бокал от губ.

Он уже подался вперед, собираясь выйти из-за стола, как услышал, щелчок замка. Входная дверь открылась.

– Ян? – раздался женский голос.

Кэт сорвалась с крючка.

Ян тяжело откинулся на спинку стула.

Слишком. Чересчур. Катастрофически – не-во-вре-мя!

– На кухню не входи. Я не одет.

Он снял с себя майку и протянул Кэт.

Глава 14. Актриса

Семь лет назад тишину квартиры, вкрадчиво звякнув, потревожил дверной звонок. Если бы в тот момент Ян не находился в коридоре, начищая до блеска туфли перед походом в казино, он бы и не подумал открывать – незваные гости, как известно... Но тогда из любопытства посмотрел в дверной глазок. Сочный бюст, обтянутый белой блузкой, и очки, круглые, в толстой черной оправе, – первое, что отметил Ян. И то и другое настолько привлекали внимание, что, приоткрыв перед незнакомкой дверь, он пропустил мимо ушей фразу, с которой девушка к нему обратилась.

– ...Так я могу войти?

Ян галантно распахнул дверь, пропуская незнакомку в коридор.

У девушки были прямые черные волосы, собранные дешевой заколкой. Костюм – белый верх, черный низ – чистая синтетика, дотронешься – полетят искры. Очки – с дужками из пластика, который выдавал себя за золото.

Гостья напористо представилась – Ольга! – и кому-то отчиталась по телефону, что уже пришла в «уютную квартиру» к «очень приятному мужчине». И это притом, что, кроме прихожей, она ничего не видела. А приятным Ян не казался даже самому себе.

Но вот что забавно: белая блузка была застегнута наглухо, но слегка просвечивала. Девушка, похоже, понимала это и пыталась так расположить руки, чтобы прикрыть нужные места. Узкая юбка лишь приоткрывала колени, но задиралась при каждом шаге, и незнакомке приходилось постоянно ее поправлять.

“А ноги! Ноги-то!”

– Так что вы собираетесь демонстрировать?... – поинтересовался Ян, окинув ее таким взглядом, что девушке пришлось опустить глаза.

Ее лицо показалось Яну знакомым. Хотя он не представлял, где мог встречаться с ней раньше – слишком уж в разных

лигах они играли.

– Максим Витальевич, как с вами и договаривался наш менеджер...

“Ошиблась квартирой...”

Ян широко улыбнулся и пригласил ее пройти на кухню.

Ольга разложила на кухонном столе черно-белые распечатки с фотографиями водопроводных труб в разрезе. Рассказывала, показывала, все старалась вытянуть из Яна «да» на свой очередной вопрос, пыталась его взглядом, но каждый раз сдавалась первой. Глаза, у нее, кстати, были синее синего. Аккуратный носик. Выразительный рот. Сексуальная родинка над верхней губой. Она была привлекательной женщиной, погребенной под ворохом дешевой одежды, стоптанной обувью и толстым слоем неумело нанесенной косметики.

Такие сотнями сходят на Центральном вокзале каждый месяц. Ищут лучшей жизни. А становятся вот этими... Легко попадают на обещание зарплаты, потом им форматируют мозг и загружают набор НЛПишных фраз. И глаза у них уже горят. Сколько отказов они должны получить, чтобы понять, во что ступили?

– Ольга, скажите, у вас хотя бы раз что-нибудь купили? – перебил девушку Ян.

Она отвела взгляд в сторону – сейчас соврет.

– Купили. И не раз! Вот на прошлой неделе почтальонша купила.

Ян приподнял бровь.

– У сотрудниц почты есть деньги на ваш товар? Похоже, мне пора менять ремесло.

– Кто хочет быть здоровым, тот деньги найдет! Эта замечательная женщина не захотела каждый день отравлять свой организм...

Ян поднял руки.

– Я понял, понял...

Потом она испортила его хрустальную стопку, демонстрируя нехитрым прибором, как много черно-бурой гадости находится в воде, которую он пьет из-под крана. Но даже школьного образования Яну хватило, чтобы понять: вода реагирует на ток, пропускаемым через нее прибором. Изменение цветности лишь показывало наличие в воде солей меди – не более того.

– Так вы готовы приобрести наш фильтр? – спросила Ольга через полчаса монолога.

– Что?.. – Ян оторвался от созерцания ее плотно сжатых коленок. – Купить? Прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас. Оформим договор...

Ян откинулся на спинку стула. Он старался сдерживать улыбку, но выходило плохо.

– Нет, я не готов.

– А что вас смущает, Максим Витальевич?

– Все, – Ян взглянул на наручные часы. Через сорок минут Газо уже будет ждать его в казино.

– А конкретнее?

– Ну, например, цена.

– Она же и так со скидкой! – обиделась девушка – и тот час же взяла себя в руки: – Но мы можем продать фильтр вам в рассрочку.

– Только цена от этого не уменьшится, верно? – Ян бросил прощальный взгляд на ее бюст. – Послушайте, Ольга. Я давно хотел вам сказать ... – он заметил, как девушка сложила на столе руки в замок и улыбнулась. Само внимание. – До свидания.

Сейчас, конечно, Ян мог бы намекнуть, что он не Максим Витальевич. Только зачем заставлять другого мужчину выслушивать весь этот бред?

Несколько секунд Ольга, не мигая, смотрела на Яна. Потом опустила глаза и нервными движениями начала складывать бумаги.

– Очень жаль... – ее голос дрогнул.

Яну тоже было ее немного жаль. Но какой смысл в жалости? Он очень вежливо указал ей на коридор.

Ольга обула туфли, взялась за ручку двери – и остановилась.

– Я забыла прибор у вас на кухне.

Ян вернулся за прибором. Не сразу нашел его – на подоконнике, за шторой. Вручил со словами: «Бросайте вы эту работу».

Ольга не ответила, только кивнула головой. Ее нижняя губа дрожала.

На этом Яну окончательно надоело происходящее, и он запер дверь квартиры, еще до того, как девушка вышла из тамбура.

– И что?! Что было дальше?! – нетерпеливо потребовала Катя.

Все еще в майке Яна, с распушенными волосами, она и так весь рассказ просидела на краешке кресла, а теперь и вовсе подалась вперед, едва не соскальзывая с него. Ее глаза блестели от любопытства и выпитого «Асти». Катя не сомневалась, что у этой истории, которую так красочно, в лицах и гримасах, рассказывал Ян, есть продолжение.

Марго знала историю в деталях. Она сидела позади Яна, на его кровати, вытянув длинные ноги. На ней был джемпер из какой-то ткани, невероятно тонкой и мягкой на вид, и короткая строгая юбка. Пока длился рассказ, Марго все улыбалась, покачивая головой, завивала длинную струящуюся прядь на палец. А на фразе «очень жаль», произнесенной Яном голосом, полным Вселенской тоски, прыснула со смеха, уткнувшись носом ему в плечо.

Когда Марго, прервав «голый» ужин, встретила в коридоре с Катей, они обе были шокированы. Марго не ожидала увидеть Катю в квартире Яна, да еще и в его майке. А Катя не представляла, что жена Спонсора может выглядеть, как уважаемая дама, а не Барби-подросток. И еще она не представляла, откуда у Марго взялись ключи от квартиры Яна.

«Респектабельная дама» рассказала, что Ян, подлец, не поднимает мобильный, а Спонсор разбил свой гелик и теперь требует бумер назад. Выставил ее за дверь как пособницу и предупредил, что без машины она может не возвращаться. На это Ян ответил, что этой ночью она точно может не возвращаться: у них осталось «Асти» и есть початая бутылка виски.

Со словами «ты тоже приглашена» Ян легонько подтолкнул Катю к двери его спальни.

– Что все это значит?! – уже в комнате потребовала объяснений Катя, глядя на воркующую парочку.

– Она не знает историю о продавщице фильтров? – спросила Марго у Яна, приподняв изящно изогнутую бровь.

– Еще нет. Но сейчас узнает, – заговорщицки подмигнул Ян и поудобнее устроился на кровати.

Уже была распита бутылка «Асти», виски оставалось на донце, а рассказ все не заканчивался.

– А дальше – представь... – таинственным голосом произнесла Марго, положив подбородок Яну на плечо. – Поздний вечер. Начало одиннадцатого. Из подъезда выходит девушка, кутаясь в черное поношенное пальтишко. Через плечо – тяжелая дамская сумка из потертого кожзама. Ветер. Слякоть. Морось. Она идет к автобусной остановке, но, не доходя до нее, оглядывается, круто поворачивает и, пройдя квартал, «пикает» электронным ключом от новенькой серебристой «Мазды». Заводит машину, но не трогается с места. Опускает стекло, прикуривает тонкую сигарету, и, делая затяжки, рассматривает пустые черные окна дома напротив. Потом бросает сигарету на мокрый асфальт. Снимает очки. И стягивает с волос парик.

– ...И по ее плечам рассыпаются красивые густые светлые волосы, – продолжил фразу Ян.

– Спасибо, дорогой, – улыбнулась Марго. – И когда она уже нажимает кнопку, чтобы закрыть окно, дверь ее машины распаивается – и кто-то или что-то вырывает ее из салона.

Девушка, не в силах закричать – сначала от шока, потом от понимания того, что ей же и будет хуже – видит спину мужчины, который, склоняясь над сидением водителя, вытряхивает на это самое сидение содержимое ее сумки. Потом мужчина выпрямляется – и девушка лицезреет «Максима Витальевича». Хотя, конечно, она знает, кто он на самом деле.

– Я нашел в сумке этой воровки кусок пластилина с выемкой от моего ключа, – в голосе Яна послышалась гордость – за себя, и за Марго.

– Сколько раз тебе повторять: я не воровка! – Марго в шутку попыталась задушить Яна, потом – уже всерьез – обняла его. – Я никогда никого не грабила. Просто давала наводки. Если помогала с ключом или сигнализацией – платили больше.

– Когда она унесла свой бюст, который мешал мне думать, я вспомнил, где видел ее, – поглаживая запястье Марго, Ян выдержал театральную паузу. – В казино. Мельком. Камешки в ее ушах переливались так, что я заметил их с другого конца зала. Тогда я выиграл – как обычно – а мой приятель предложил сыграть еще: он подарил мне стек фишек с хорошим номиналом – в знак благодарности за пустячное для меня дело. В общем, у меня правило – только одна ставка. Поэтому обменял фишки – и поехал домой.

– Ты же видела Яна в казино? – оправдывалась Марго. – Белоснежная рубашка, золотые запонки, «Ролекс» на запястье. Я думала, он сумасшедше богатый.

– Так вот, я вспомнил ее, – перебил подругу Ян. – И понял, что продажа фильтра – спектакль, разыгранный для отвода глаз. Сразу проверил, на месте ли ключ. Ключ как раз был на месте. Но лежал не так, как я его кладу. В общем, я – за ней. И представь, Кэт, каково же было мое удивление, когда эта повелительница воды, поплутав по району, села в новенькую машинку. И стянула с головы парик. У меня челюсть отвисла, как в мультфильмах, – Ян, утрируя, продемонстрировал, как это было, чем вызвал дружный хохот. – Ловко ты меня. Актриса.

– Официально – нет, – поправила его Марго. – Диплом я не получила.

– А дубликат ключей я потом сам ей сделал, когда познакомились поближе. Не все аферы Марго заканчивались удачно, иногда ей приходилось срочно съезжать с очередной съемной квартиры и залегать на дно.

– Ничего не понимаю... – Катя приложила ладонь к животу, который разболелся от хохота. – Марго – жена твоего отца.

Ян с Марго обменялись улыбками. При этом их губы оказались так близко, что Катя перевела взгляд на свои руки.

– Я сам их и познакомил, – заговорщицким тоном произнес Ян. – Маленькая месть любимому папаше. К тому же, решение оказалось стратегически верным – иметь засланного казачка... казачку в стане врага.

– Все было просто, – подхватила Марго. – Каблук повыше, юбка покороче, декольте поглубже. Спонсор сидел за чашечкой кофе во время перерыва какой-то там экономической конференции. Я подошла почти вплотную и спросила что-то вроде: «Как вы считаете, индекс Доу-Джонса...» А дальше он уже не слушал.

– Но жениться?! – Катя покачала головой.

– А что? – удивился Ян. – Так дешевле, чем снимать проституток. И безопаснее. А насчет денег – брачный договор подписала – и свободна.

– Ужас, – Катя прижала прохладный бокал к разгоряченному лбу.

– Почему ужас? Все трое получили то, что хотели. Идеальная, я бы сказал, ситуация.

– А как же любовь? – привела последний аргумент Катя.

– Любовь? – Ян, приподняв бровь, посмотрел на Марго. – Ты что-нибудь слышала об этом?

Марго все купала его в своем взгляде. Словно не могла насмотреться на Яна – как на своего ребенка.

– Что-то не припоминаю. А ты, дорогой?

– И я – нет.

Потом они еще долго пили, болтали, смеялись и подтрунивали друг над другом. Катя все смотрела на Марго и думала, что теперь поняла, какой должна быть девушка Яна. Непременно красивой. И в то же время – неуловимой, непредсказуемой. Легко приспосабливаться к обстоятельствам. Относиться ко всему, как к игре. Жить сегодняшним днем.

У Марго получалось разговаривать с Яном на одном языке. Всегда быть ему интересной. За это он подпускал ее очень близко к себе, прощал любые вольности. Они казались единым целым, даже говорили, скорее, не перебивая, а дополняя друг друга, в одинаковом темпе, с одинаковой интонацией. Только одно оставалось Кате непонятным: почему Ян и Марго не вместе.

Они так и заснули. Голова Яна – на коленях Марго. Катя – калачиком на кресле.

Катя проснулась первой: в соседней комнате зазвонил будильник. До начала курсов крупье оставалось полтора часа. Она коснулась плеча Марго – никакой реакции. Тогда Катя растормошила ее.

– Чего?.. – простонала Марго.

– Поможешь мне выбрать красивую одежду?

– Угу... – Марго столкнула с колен голову Яна и натянула на себя простыню.

– Сегодня?

– Нет... Позвони через пару дней.

– Договорились!

И Катя, улыбаясь, выскользнула из комнаты.

*

– Как думаешь, что происходит между мной и Кэт? – спросил Ян, отхлебнув кофе из пластикового стаканчика.

– А между вами что-то происходит? – Марго поправила большие, на пол-лица, солнцезащитные очки, которые

нацепила, несмотря на пасмурную погоду.

Ян потер переносицу.

“Если б я знал...”

Они сидели в машине, припаркованной через дорогу от казино, и ждали Кэт. Урчал мотор, кондиционер гонял по салону прохладный воздух. Два пустых стаканчика из-под кофе стояли на панели передач, еще по одному Ян и Марго только что вскрыли.

– Расскажи, что ты думаешь о Кэт, – попросил Ян.

– Ну... ей идет твоя майка.

– Марго, я серьезно!

– Тогда ты выбрал не то утро... – простонала она, но все-таки задумалась. – Забавная. Симпатичная. Неглупая. Только простовата для тебя... Ян, Белынич! Ты серьезно?

– Бешенковичи.

Марго покачала головой.

– И что ты в ней нашел?

– Может быть, именно это – простоту. В смысле – бесхитрость, – подумав, ответил Ян. – Кэт – всегда Кэт. Чтобы понять ее, не надо разгребать многослойные намеки. От нее не ждешь подвоха. С ней – легко.

– О нет, Ян, для такого разговора двух стаканов кофе мне мало...

Марго отвернулась к окну. Ян положил ей руку на плечо.

– А еще она искренняя. Открытая...

– О! Смотри, кто идет! – Марго усердно замахала рукой.

*

Это был приятный сюрприз. Если бы Марго не лишили прав, Кате пришлось бы добираться домой на общественном транспорте, в час пик. А так из предгрозовой духоты она нырнула в свежесть салона. Ян бросил ей теплое «привет!». Марго улыбнулась, как лучшая подруга.

На трассе Ян попросил пассажиров пристегнуться, сделал музыку погромче – и до предела выжал педаль газа. Машина быстро набирала скорость. Мотор рычал все натужнее. Катя пыталась остановить Яна, но даже сама не слышала своего голоса.

Она никогда не летала в самолетах, но подумала, что при взлете пассажиры чувствуют нечто похожее. За боковым окном пейзаж слился в грязно-серую полосу. Все предметы впереди приближались с немыслимой быстротой. Спина впечаталась в сидение. От скорости перехватило дыхание.

Марго хохотала.

Так продолжалось несколько минут, а потом скорость стала постепенно снижаться – и самолет снова превратился в машину.

– Останови, – потребовала Катя.

– Зачем? – бросил Ян через плечо.

– Останови! Сейчас же!

Ян припарковался на обочине, включил «аварийку». Катя выскочила из машины. Крепко обхватив себя руками, она все дышала – и не могла надышаться.

– Эй...

Едва Ян коснулся ее руки, Катя набросилась на него с кулаками.

– Не смей! Никогда! Рисковать! Моей жизнью! – кричала она ему в лицо.

Ян только смеялся, неловко защищаясь от ее ударов.

– Тебе ничего не угрожало. Ровная прямая трасса. До горизонта – ни одной машины. По обе стороны дороги – поля. Бумер проверенный. Да у тебя больше шансов попасть в беду, переходя дорогу на зеленый свет!

– Но я всего этого не знала! – кричала Катя. – Мне было до жути страшно!

– А я думал, ты мне доверяешь, – парировал Ян.

Катя перевела дыхание. Перевязала растрепанный хвост.

– И чем это ты заслужил мое доверие? – уже спокойнее спросила она.

– Возможно, тем, что ни разу тебя не подвел.

Марго наблюдала за их перепалкой, прислонясь к капоту.

– Химия, – сказала она. Спорщики одновременно повернули к ней головы. – Кстати, Ян, это и есть ответ на твой вопрос... Ладно, поехали, пока Спонсор и в самом деле меня не выгнал.

Катя потопталась на месте, но все-таки залезла на заднее сидение.

– Чего молчишь, Кэт? – спросил Ян, поглядывая на нее в зеркало заднего вида.

– Не хочу с тобой разговаривать.

– Признайся, Кэт, хотя бы самой себе: тебе понравилось.

– Нет, – твердо ответила Катя, но где-то очень глубоко, там, где ей и самой не достать, прозвучало «да».

Ян победоносно улыбнулся, словно именно это «да» и услышал.

Глава 15. Его правда

Ян сидел за столом у окна, раскладывая карты идеальным полукругом. Он приподнял указательным пальцем последнюю из ряда, карты перевернулись рубашками вниз – и снова легли так же идеально.

– Готов? – спросила Катя, замерев в дверном проеме.

Ян мельком взглянул на нее, скользнул взглядом по белому сарафану, и продолжил фокусы с картами.

– Проходи. Садись.

Она села напротив. Занавески, надуваемые ветром, приподнимались, словно крылья – и опускались, скользнув по плечам Яна. Солнце, нещадно палившее который день, спряталось за одинокое облако. Голоса в парке внезапно

смогли, словно перед грозой. В тишине раздался перезвон колоколов далекой церквушки.

– Так ты готов?

– Сдвинь, – Ян протянул ей колоду. – Вопрос в том, готова ли ты.

Возможно, это была лишь игра слов, но он попал в «десяточку». Катя надеялась, что похожа на королеву, которая собирается вынести приговор. Хотя, на самом деле, ей было грустно. Она знала, что загадает, – и в этом желании не было ни намёка на компьютер или другую необходимую вещь. Катей двигало даже не желание отомстить, а простое женское любопытство. И, возможно, немного ревность.

Вот это особенно удручало. От ревности к такому человеку, как Ян, можно сойти с ума – поводы на каждом шагу. Катя вообще предпочла бы ничего не чувствовать к Яну. Но с «ничем» она уже опоздала. Трудно сказать, какие именно чувства к Яну разрывали ее душу, но ревность в том списке значилась точно. Сухая, брезгливая – к девушке из клуба. Тихая, завистливая – к шикарной Марго. Или глубокая, ноющая – как к той блондинке на фото, которое стояло в коридоре.

– Хочу, чтобы ты рассказал мне о девушке с фото, – прервала молчание Катя.

И по тому, как поменялся взгляд Яна, она поняла, что Марго и в самом деле была стервой, раз предложила задать ему этот вопрос.

*

– Это не фото. Скорее, надгробный камень, – ответил Ян и едва заметно поморщился. Он не хотел снова ворошить ил на дне очень глубокого озера. Столько времени прошло, прежде чем все улеглось.

– Послушай, пока ты окончательно не сформулировала...

– Подробный-рассказ-о-девушке-с-фото-которое-стоит-в-коридоре-это-мое-желание, – выдохнула Кэт.

Ян опустил голову. Почесал затылок.

– Это займет много времени.

– Отлично! Значит, мы проведем теплый соседский вечер. Вечер твоей правды, – бодро ответила Кэт, которой, похоже, паузы Яна стали в тягость. – Чай? Кофе?

Солнце выползло из-за тучи, оживив пейзаж за окном.

– Виски, – устало ответил Ян.

– Хорошо! А мне остатки «Асти».

Они наскоро устроили пикник. Разложили на полу в комнате Яна ватное одеяло, заставили его бутылками, тарелками с закусками.

Солнце садилось, алые полосы на стене тревожились черными тенями листьев. На душе у Яна тоже было тревожно. Вот что означало выражение «беречь раны». А казалось, что все зажило...

Ян сел, прислонясь к стене. Сделал несколько глотков виски, покачал бокал так, что кусочки льда звякнули о стекло.

Тогда он еще не пил виски. Он вообще не пил алкоголь. Не курил. Был образцовым старшеклассником, «звездой» гимназии и гордостью родителей. Вообще, он ли это был?..

Кэт села рядом. Станный у нее был взгляд – словно и она волновалась.

*

– Я не помню ничего, что происходило в тот месяц до встречи с ней, – начал рассказ Ян. – Март наступил для меня четырнадцатого числа, когда трамвай под номером «десять» подъехал к художественному музею. Я пробивался к двери, чтобы выйти на ближайшей остановке. Она сидела у окна. И я не вышел.

Я помню встречу с ней очень четко, до мельчайших подробностей. Закрываю глаза – и словно смотрю кино. За окном трамвая свет – такой яркий, белый – от этого внутри трамвая все кажется тусклым и серым. Только не она. Она тоже – как свет. Как принцесса, почему-то сидевшая не в замке на троне, а здесь, в старом трамвае, на потертом сидении. Светлые волосы прижаты воротником тонкой

бежевой куртки. Куртка расстегнута, вокруг шеи – белый шарф с коричневым узором. Она была похожа на колибри, – воздушная, трепетная, грациозная. Прятала в шарф кончик носа и читала маленькую книгу, которая лежала у нее на коленях. Я протолкнулся поближе. Бродский. Мой любимый Бродский!

Она была красива. Очень. Мне повезло с ней еще и в этом. Но я бы любил ее любой, даже с физическими изъянами...

Ян сделал большой глоток виски. Сидел, глядя, как затухает последняя закатная полоса.

– Слушай, зачем тебе это?

Катя не сразу поняла, что Ян обратился к ней. Встрепенулась, скользнула по нему взглядом. Ян казался каменной глыбой. Он был напряжен, хотя вряд ли сам это осознавал.

– Сейчас ты выполняешь мое желание. Продолжай, – повелительным тоном ответила Катя. – Итак, Бродский...

Ян сделал еще глоток. Прислонился затылком к стене.

– Бродский... Я вышел из трамвая следом за ней и проследил до самого дома. Знаешь, Кэт, все так чудно складывалось... К тому времени моя семья уже перебралась в коттедж. Добираться до гимназии стало неудобно, так что временами мне разрешали ночевать в городе, у бабушки, – к слову, в этой самой квартире, где мы сейчас с тобой находимся. И оказалось, девушка моей мечты жила всего в паре кварталов отсюда.

Ян замолчал. Катя подлила себе «Асти».

О чем он думал сейчас? О том, что на этом же самом месте, также прислонясь затылком к стене, сидел десять лет назад и представлял прекрасную незнакомку, которая жила настолько близко, что расстояние между ними едва ли ощущалось? Вспоминал, как стоял под ее окнами, пытаюсь по движениям теней за шторами угадать, чем занимается его колибри?

– Той ночью я так и не смог заснуть, а наутро – еще, наверное, и шести не было – помчался под ее окна – боялся упустить мою девочку, – Ян словно подслушал мысли Кати. –

Помню, парю над серой предрассветной улицей. Вокруг – ни души. Прячу в карманы ладони – и не могу согреться. Меня колотит – то ли от холода, то ли от волнения.

Она вышла из подъезда чуть позже восьми. Я за ней – как заправский шпион. То перебежал от дерева к дереву по пустынной аллее, то вис на поручне в другом конце переполненного автобуса, боясь потерять ее светлую макушку в море других макушек, беретов и шапок. То прятался за спинами студентов в коридорах педуниверса. Там я узнал, что моя незнакомка учится на втором курсе, специальность... сейчас не вспомню точно... в общем, после выпуска ей предстояло учить иностранцев русскому языку.

Там, в коридоре, пока они ждали преподавателя, я изучал ее группу. Мальчишка только один был и то... не конкурент, в общем. Девушки на ее фоне казались тусклыми, как высушенные цветы. Наверное, поэтому она выпадала из их круга: сидела на подоконнике, время от времени грызла кончик ручки и что-то черкала в конспекте. Я все надеялся, что кто-нибудь окликнет ее по имени, но все словно сговорились против меня.

В тот день я так привык к ней, пока ходил хвостом, что едва не спросил «чего так долго?», когда она, наконец, вышла из аудитории после лекций.

Вечером моя незнакомка отправилась в клуб – я снова за ней. На ходу ел булочку, купленную в ларьке по дороге – из-за этой слезки даже перекусить не удалось.

Вошел в клуб – и застыл, как вкопанный. Моя скромная студентка-гуманитарий уже сняла берет и старое пальтишко. Теперь перед зеркалом, поправляя легкий макияж, стояла красотка с ногами от ушей в коротком черном платье с блестками. Распущенные волосы – почти до бедер. Тогда, наверное, я влюбился в нее заново.

В баре она заказала колу со льдом. Пила через соломку крохотными глотками – и откровенно скучала. А я не мог позволить, чтобы моя девушка скучала. Выдохнул – и к ней. Но что говорить, что делать? Сердце колотится, ладони –

влажные. словно до этого всю жизнь прожил в мужском монастыре.

Недолго думая, отломал ей половину своей булочки. Моя колибри улыбнулась – и взяла подарок. Как же нелепо, наверное, выглядела эта получерствая булка на вечеринке, где гламурные соседки по барным стульям попивали мартини с оливками!..

Потом кто-то осторожно похлопал меня по плечу. обернулся – и не сразу увидел ее парня – он оказался на голову ниже меня. Бледный, худощавый, одет модно, с претензией. Я нависал над ним, как скала: плотный, крепкий. В те времена я сидел на белковой диете, бегал по утрам. А волосы у меня были короткие, жесткие. Думаю, я напоминал мишку Панду.

В общем, она виновато мне улыбнулась и пошла за ним с надкушенной половинкой булки. Крошки за ней сыпались, как в сказке про Гензеля и Гретель. Я смотрел, как мою девушку уводит ее же парень, – и улыбался. Потому что уже знал, что ее зовут Маша.

Вернулся в квартиру к бабушке уже за полночь. Там меня дождался отец. Он отвез меня домой напрямик на семейный совет – родители узнали, что сегодня я прогулял гимназию. Скандал. Домашний арест. словно можно удержать взаперти по уши влюбленного подростка.

Выходной. Утро. Я – по карнизу, по водосточной трубе – как только шею себе не свернул! На попутках добрался до города. Бегу к Машинному дому и еще издали вижу, как она садится в подержанный, но весьма приличный «Поло» красного цвета с огромным бантом на крыше. Охает, обнимает своего парня. Это был день ее рождения.

Я не мог подарить ей машину. Я вообще ничего ей не мог подарить дороже булочки – карманными деньгами меня не баловали. Но разве у любви и денег есть что-то общее?

Ее подарочную машину я использовал в своих целях. В тот же вечер оставил под стеклоочистителем записку с поздравлением и четверостишием Бродского. «Я дважды пробуждался этой ночью и брел к окну, и фонари в окне...» И так далее. Судя по взгляду, Маша поняла, что записка не от

бой-френда. Похоже, он был не по этой части. Маша записку не выбросила. Сложила аккуратно – и в карман. Она казалась растерянной – и в то же время счастливой.

Так у меня появилось новое хобби: теперь я каждое утро оставлял под стеклоочистителем то записку, то цветок. Меня ничто не могло остановить.

Неделю спустя, вместе с цветком возле машины остался и я.

А еще через два дня «Поло» исчез со стоянки перед ее домом.

Знаешь, Кэт, наши отношения начались, как сход лавины. Они погребли под собой все: учебу, обязательства, правила приличия, обещания, данные другим людям. Мы оба начали жить с чистого листа.

Маша призналась, что никогда не была с мужчиной. Даже жениха настолько близко к себе не подпускала – собиралась подождать до свадьбы. Возможно, есть такие мужчины, с которыми можно ждать сколько угодно, но наше с ней «до свадьбы» случилось через неделю. Когда мы открыли и эту дверь, началось прекрасное и очень сложное время бесконечного ненасыщения друг другом.

Ручьи, вода течет. То заморозки, то дожди – та еще весна. А идти некуда. Денег – нет. Свободной квартиры – нет. И пошла череда чужих спален, лестниц многоэтажек, вечерних скверов, заброшенных строек. И все это было прекрасно и чисто. Мы были, как Адам и Ева. Словно никто никогда не делал этого прежде.

Она посадила меня на джаз, как на иглу. У нее был красивый голос, с такой легкой хрипотцой, о которой, глядя на нее, никогда не подумаешь. И блюз. Да, и блюз... Столько музыки...

Конечно, отец пытался меня приструнить. Мой старший брат...

Ян оборвал предложение. Прикрыл глаза, потер переносицу. Потом долго смотрел в пол, в одну точку, и Катя,

встревоженная этим болезненным движением его души, не решилась нарушить молчание.

– Так вот, у меня был брат, – в том же тоне продолжил Ян. – Я называл его Старший. Он был Братом – с большой буквы. Всегда на моей стороне – что бы ни случилось. Не каждый на такое способен.

Старший превосходно играл на ударных, настоящий талантище. Он словно был создан для этого инструмента, заточен специально под него.

Едва окончив гимназию, Старший рванул в Москву играть по клубам – вопреки воле родителей. Там он подсел на наркоту, так что считался «бракованным» сыном. И всю свою нерастрченную энергию папаша направил на меня. Старательно завинчивал гайки. А мне – семнадцать, гормоны, первая любовь. Если когда-нибудь у меня будет сын...

В общем, отец пытался меня образумить, потом, вдруг, ослабил хватку, словно рукой на меня махнул. Мне бы еще тогда почуять подвох, но куда там. Влюбленные – такие близорукие...

И вот однажды утром, месяца два спустя, прихожу я к Маше, как обычно, а дверь никто не открывает. Мобильных тогда еще не было, так что я рванул в универ. И там ее одноклассник сообщил мне новость: Машу исключили. За прогулы. Еще месяц назад.

Это было невероятно, невозможно. Но я почему-то сразу поверил. Внутри холодно стало, до дрожи. Я же весь этот месяц почти каждое утро провожал ее до универа! Каждый вечер встречал после занятий! То, что сказал ее одноклассник, не уместалось в голове, давило – до дикой боли.

Я обратно к ней. Сел под дверь и сидел, пока ее мама – Маша росла без отца – не вернулась с вечерней смены завода. «А Маруся, – говорит, – уехала». «Куда уехала?!» – «В Америку, в Техас». Америка!..

Ян горько усмехнулся. Катя притаилась – не двигалась и даже дышать старалась, как можно реже.

– А время тогда было, не то, что сейчас. Ни электронной почты, ни скайпа, ни социальных сетей. Как найти человека в Америке? Который не хочет, чтобы его нашли?

Ее мама пыталась вернуть меня к жизни чаем с малиновым вареньем. Все ближе и ближе пододвигала мне то кружку, то блюдце с сушками.

Она рассказала занятную историю. Когда Машу исключали, у декана сидел какой-то нувориш. Вместо отсутствия перспектив, одежды с чужого плеча, работы уборщицей и безденежья, он пообещал учебу в хорошем американском колледже. С проживанием, питанием, репетитором по английскому и пособием. Плюс – пособие матери, чтоб не скучала без дочери. А если останется, знаешь, чем Маше пригрозили? Тюрьмой. За соращение несовершеннолетних. Мне же тогда семнадцать было.

Я слушал эту историю, а в чашку с чаем капали слезы. Я до этого лет с шести не плакал. И знаешь, Кэт, мне даже стыдно за слезы не было – как больному человеку не стыдно за рвоту.

«Новым русским» – ты, наверное, догадалась – оказался мой отец. К тому времени я и так его порядком ненавидел. За то, что с братом моим обращался, как с грязью. За синяки, которые пыталась скрыть моя мама. За то, что до безумия хотел передать мне свой «ген превосходства» и считал, что я должен быть ему за это благодарен.

Он выбрал для меня гимназию, будущую профессию и место работы, сортировал моих друзей и, наверняка, уже присматривал для меня самку... А потом я стал его ненавидеть еще и за Машу.

У нас с ней все могло получиться. Но отец надавил на нее – и Маша сломалась. Вряд ли ее можно в этом винить. Я был еще мальчишкой, школьником. Готовым к революции, но не к созиданию. Возможно, Маша и в самом деле со мной бы пропала.

Как бы там ни было, я больше ничего о ней не слышал.

*

Стемнело.

Они сидели рядом, едва касаясь плечами, безмолвно и неподвижно. Грудная клетка Яна медленно поднималась и опускалась – словно он спал.

Кэт опомнилась первой. Не включая света, принесла с кухни огарки свечей. Расставила их на полу, на полках, на подоконнике. В коротком светлом сарафане она и сама была похожа на горящую свечу.

– А дальше? Что было после того, как она уехала? – спросила Кэт, снова присев рядом с Яном.

Это уже выходило за рамки выполнения желания. Но Ян продолжил – хотя не сразу отвел взгляд от лица Кэт. Ему показалось, что в ее лице что-то неуловимо изменилось. Но, возможно, его просто отвлек отблеск свечей.

– В универ я все-таки поступил – так вышло, смешная история. Полгода просиживал лекции, сессию завалил. Весной меня, наконец, забрали в армию. Там я и сделал себе татуировку. Правда, художник попался безрукий. И... ну, недалекий. Не знаешь, как выглядит колибри, так и скажи, а не пытайся изобрести новый вид птиц, верно, Кэт? В армии я узнал, что мой брат погиб, – упал с крыши. Сам или кто помог – так никто и не выяснил. Мне до дембеля два дня оставалось.

Приехал как раз на похороны. Все зеркала в доме занавешены черным. Море цветов, венков от родственников и папиных приятелей – словно кому-то при жизни было до Старшего дело. А в центре этой сцены – главный режиссер спектакля, – мой отец. Весь в черном. Глаза – потухшие, покрасневшие. И слезы у него по щекам катились почти искренние. И речь такую толкнул, что даже матерых мужиков проняло. Отличная была игра на публику. Игра – над гробом брата. Так что слово за слово – и я вдрызг разругался с отцом, даже на кладбище не поехал – сбежал, в чем из армии вернулся – в камуфляже.

Помню, тащусь по какому-то парку. Берцы – словно каменные. Есть хочется. Холод до костей пробирает. А у меня с собой – только одна купюра. Сотня баксов, которую мама

сунула мне в карман перед уходом. Я тогда, к слову, маму в последний раз видел, совсем на себя была не похожа. Через неделю – авария, лобовое столкновение...

Так вот, думаю, закончится эта сотня баксов – и больше ничего не будет. Идти некуда. Ложусь на скамейку. Только глаза закрыл – и тут меня в плечо кто-то толкает. Думал – менты. А это мой бывший однокурсник Газо. Я не сразу его узнал – слишком уж костюм на нем дорогой был, да еще шляпа, как у американских гангстеров. У входа в парк, мигая «аварийкой», стоял его «Ягуар».

Слово за слово. Оказалось, Газо фирму открыл, дела идут хорошо. Я о себе что-то рассказал, о чем-то умолчал. Он в казино направлялся, предложил там встречу продолжить. Я и рад был – все не на скамейке под дождем спать.

В казино в vip-зал без костюма не пускают, но у Газо главный, Султан, в приятелях был. Он у Султана часто деньги брал и с хорошим процентом возвращал. Так вот, этот Султан нашел какой-то костюм с чужого плеча и туфли, правда, размера на два больше моего. Может, с охранника какого снял... Но в зал меня пропустили. А там еда, алкоголь – все бесплатное. Тогда я виски в первый раз и попробовал. Хорошо так попробовал – чтобы мысли дурацкие в голову не лезли.

Потом Газо предложил сыграть, раз уж пришли, чтоб вопросов к нам не возникло. Я, не думая, сотню на фишку поменял и поставил на черное. И выиграл. И даже как-то протрезвел сразу. Таких легких денег у меня отродясь не было. И, в то же время, возникло ощущение, что это как-то неправильно, как приманка. Что нужно остановиться именно потому, что очень хотелось снова поставить – прямо до дрожи.

Вышел на улицу, чтобы в себя прийти. А тут звонок. От юриста. В шесть утра. Ну, скажи, Кэт, какой юрист будет звонить в шесть утра? Только тот, который собирается изменить мою жизнь. Оказалось, бабушка умерла. Я тогда в казино не вернулся. Вечером пошел к юристу. А он мне по завещанию передал бабушкину квартиру.

Тогда система в голове и нарисовалась. Одна купюра. Одна ставка. Один выигрыш. И это приманивает удачу. Ставишь последние деньги. Выигрываешь. И – все. Словно в награду за то, что остановился, – тебе приз. Или целая череда призов. Но пока деньги не закончатся, в казино возвращаться нельзя.

Эх, Кэт!.. Мне так фартило, что со мной за один стол даже каталы не садились. Мне фартило восемь лет подряд, а потом в системе произошел сбой. В тот самый день, когда мы с тобой встретились. Не повезло именно с той купюрой, которую дала мне ты, – Ян почувствовал, как Кэт внутренне сжалась. – Зато повезло с квартиранткой, – закончил он.

*

– Мне так жаль... – Катя осеклась. Ну, как можно объяснить словами все то, что она почувствовала? Вот если бы обнять Яна – изо всех сил – и не отпускать долго-долго, может, тогда бы он понял. Но оставались только слова – как шепот вместо крика. – Мне так жаль, что тебе все это пришлось пережить.

– Кэт! Эй... – Ян взял ее лицо в ладони. Его большие пальцы мягко легли на скулы. – Ты и в самом деле разбередила мне душу, но... Это случилось в другой жизни. И не со мной. Я давно провел черту, с тех самых пор, как сделал первую ставку. Тогда я вышел из казино другим человеком. А с тем, прежним, я почти не знаком. Так, слышал... И не надо считать его мной, ладно? – Катя, зажатая в его ладонях, попыталась кивнуть. – Возможно, когда-нибудь ты так же скажешь и о себе.

Неизвестно, что он нашел в ее глазах, но резко опустил руки и долил себе виски.

– Ты веришь в предсказания? – спросил Ян.

– Не особо, – усмехнулась Катя.

– Когда-то, еще школьником, до встречи с Машей, друзья привели меня к гадалке. Тогда я тоже не верил. Гадалка разложила карты, и взгляд у нее стал такой... странный... Знаешь, не очень-то приятно прийти к женщине, которая вроде как видит твою судьбу, и натолкнуться на такой взгляд. В общем, она сказала, что я проживу несколько жизней. И все

они разные. И ни в одной из них я не буду на кого-либо работать, – Ян заулыбался. – Я тогда повеселился, представляя, как бы на это отреагировал мой отец, – его голос снова стал серьезным. – Но при этом у меня будут деньги. Будет любовь, которую я потеряю. А женюсь я на золотоволосой иностранке. Успокоюсь. Буду жить за границей.

Ян задумался, словно пытался представить такое будущее – и не мог.

– Знаешь, когда я впервые увидела тебя, ты показался мне жутким, – призналась Катя.

– Жутким?! – Ян не мог поверить своим ушам.

– Да! – рассмеялась Катя. – Как в комиксах рисуют – супер-злодей. Я чуть было не сбежала. И это притом, что идти мне было некуда. Твои волосы... Мало того, что рыжие, еще и до плеч. У нас бы тебя обходили стороной. Словно в тебе заключается плохая сила.

– Плохая сила, – кашлянув в кулак, повторил Ян. – Вы из какого века, девушка?

– ...Но особенно – твои глаза. У них необычный цвет. Невольно пытаешься разобраться, какой именно, и в этот момент – все, бутон захлопнулся, и жидкость внутри цветка уже переваривает комарика.

Ян хитро глянул на нее.

– Ты только что сравнила меня с растением?

Катя хихикнула.

– Хищным растением. Нет, не тебя, твой взгляд.

Ян скорчил серьезную рожицу.

– Мне надо подумать над этим.

– Не надо, – рассмеялась Катя. – Это было только первое впечатление.

– Теперь я не кажусь тебе злодеем?

– О, нет! Теперь я осмелела – или опьянела – настолько, что запросто могу даже коснуться твоих дьявольских волос.

Она протянула руку. Ян перехватил запястье и поцеловал его.

– Помнишь мое желание? Что ты будешь говорить мне правду? – спросил он.

– Да, – ответила Катя, чувствуя, как от тона его голоса внутри все переплавляется в лаву.

Ян склонился к ней.

– Я хочу, чтобы ты сказала мне правду, – он провел ладонью по ее волосам. Локоны скользнули по коже – и это нежное, почти невесомое, прикосновение причинило Кате невыносимо-острую, сладкую боль. – Вчера вечером, перед тем, как вошла Марго... Ты бы оттолкнула меня?

В животе у Кати стягивался тугий узел из страха и желания. Невозможно думать, чувствуя это.

– Не знаю... – она словно слышала свой голос со стороны.

– А сейчас? Сейчас ты оттолкнешь меня? – Ян отстранился. Он больше не касался ее – словно давал свободу выбора.

Катя молчала. Она чувствовала, как Ян рассматривает ее профиль, перетекая взглядом с переносицы на губы, чувствовала его взгляд, теплый, волнующий. Ян мог бы остановиться – если бы она захотела. Катя пыталась заставить себя поднять голову – и встретиться с ним взглядом, но не смогла этого сделать.

– Нет, – едва слышно ответила она.

Ян все еще медлил, потом потянулся пальцами к ее подбородку, повернул лицом к себе и коснулся ее губ губами, мягко и нежно. Затем чуть отстранился, давая ей последний шанс сбежать.

Катя, словно находясь в невесомости, на пределе чувств, сгорая от желания и стыда, замерла. Но спустя одно биение сердца сама нашла его губы. Ян тотчас же отозвался. Она отвечала на его поцелуи все жарче, отдаваясь желанию целиком, а потом соскользнула – то ли на одеяло, расстеленное на полу, то ли в пропасть, где падение превращается в полет